

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ОХОТНИК НА ДУХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Антон Демченко

Охотник на духов

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

Демченко А. В.

Охотник на духов / А. В. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2016

Тако-Прибрежный – портовый город, и, как любой порт, это не лучшее место для малолетних беспризорников... но идеальное место жительства для Кота. Странный черноволосый, вечно босой мальчишка давно заставил считаться с собой сверстников в здешних трущобах... и благодаря своему дару основательно прижал мистических созданий. А если не он, то кто? Бойцы-стихийники правящих кланов не интересуются происходящим в беднейших кварталах. Для них район Бокко словно бы и не существует вовсе. А свято место пусто не бывает, и трущобы стали охотничьими угодьями для малолетнего охотника на духов. Впрочем, растет Кот, растут и угодья. И любопытство уже заставляет его облизываться на другие территории. Например, на севере Империи Майского архипелага есть местечко с заманчивым названием Остров Тысячи Духов. А что там? Интересно же!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Часть вторая	39
Глава 1	39
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антон Демченко

Охотник на духов

Пролог

Сон... Дети во сне летают и смеются, взрослые пережевывают собственные проблемы, а старики... Не знаю, не могу говорить за все «пескоструйные машины», но для меня сон – это возвращение к жизни. Запахи, которых мой старый сизый нос уже давно не ощущает; краски, которых не видят мои слезящиеся полуслепые глаза; звуки, прелесть которых уже давно недоступна моим глухим ушам... Все это возвращается только во сне. А наяву... О нет, явь полна других радостей, но они приправлены горечью времени. Гордость за детей сильных, уверенно шагающих вперед, соседствует с сожалением о том, что мать не видит, как высоко взлетели ее птенцы. Восторг от первых самостоятельных решений внуков никак не может избавиться от тяги поправить, подсказать им верное решение в их забавных и пока еще таких наивно-чистых порывах... И грусть. Грусть от того, как быстро меняется этот мир, и... каждое его изменение сопровождается еще одним пустым гостевым креслом на дне рождения, о котором давно не хочется вспоминать. С каждым годом этих пустых мест вокруг все больше и больше. И в очередной «праздник» дети отводят глаза, жалея старое больное сердце. «Он не смог: ты же знаешь, дорога в вашем возрасте так тяжела... Она в санатории: ей нужен морской воздух, а Верочка нашла замечательное место в Коктебеле», – натужно улыбаясь, вразнобой говорят они, забывая, как в детстве отхватывали хворостиной по заднице за куда меньшую ложь. Обмануть родителей? Пф! Не смешите...

Но я не могу, не имею сил и желания хватить рукой по столу и пригрозить все той же хворостиной. Туман отнимает все силы, погружает в топкую бессмысленную апатию... засасывает болотом. И остается только улыбаться, радоваться их жизни, продолжению себя и ушедшей любимой, видя ее в их глазах, движениях, жестах и смехе, и устало ждать прихода сна. Яркого, теплого... может, последнего.

Фыркнуть от попавшего в глаз солнечного зайчика, подскочить, заслышав шорох в сваленных у стены картонных коробках, и, уловив голодное урчание в животе, ринуться на поиски еды, морща нос от забивающих его городских запахов раскаленного асфальта и бензина от пролетающих по улице машин. А потом, после завтрака, вытянуться на нагретом за день камне невысокой, но такой удобной и широкой парковой ограды и щуриться на алый свет заходящего солнца, отражающийся в водах пруда, да изредка лениво поглядывать на разгуливающих по парку людей. Или, уже вечером, устроившись под навесом все из тех же картонных коробок, лениво наблюдать, как дождь накрывает город, барабанит по крышам домов и вода, собираясь в стремительные ручьи, подгоняемая ветром, несется по улицам, даря свежесть и прохладу после знойного дня... Р#p#ряу!!!

Утирая заливающую глаза дождевую воду, Имма свернула в ближайший переулок и, в который раз проклиная свое любопытство, втянувшее ее, такую умную и взрослую десятилетнюю девочку, в очередные неприятности, попыталась разогнаться. Но топот за спиной не стихал. Мальчишки в этом бедном квартале, оказывается, бегают куда быстрее, чем даже ее давно занимающиеся боевыми искусствами знакомые из Сейны. А тут еще этот дождь и решетка высокого забора впереди. Тупик!

Девочка закрутила головой в поисках хоть какого-нибудь выхода и, поскользнувшись на залитой водой бетонной заплатке, полетела наземь, угодив прямо в кучу каких-то коробок, сваленных у самого забора. Пустых коробок, к счастью. А в следующую секунду уши

девочки заложило от громкого то ли рева, то ли мява, в котором потонул даже хохот догонявших ее мальчишек, ставших свидетелями полета Иммы. Беглянка почувствовала, как под ней что-то зашевелилось, и, тихонько пискнув, постаралась отползти в сторону. Она тут же припомнила байки старших ребят о живущих в подворотнях бедных кварталов гигантских крысах и, в страхе зажмурившись, забила руками и ногами вокруг себя. Вот нога девочки впечаталась во что-то мягкое, и тут же с той стороны послышался тихий «ох!». Крысы так не умеют. Имма осторожно приоткрыла один глаз и облегченно вздохнула. Там, где она ожидала увидеть отвратительную серую морду, поднимался на ноги хмурый, но совершенно обычный мальчишка лет одиннадцати-двенадцати на вид. В вытертых до белизны джинсах и неожиданно чистой, белой, но уже стремительно темнеющей от дождя майке, худощавый, со всклокоченными черными как смоль волосами, он сверкнул в сторону Иммы недовольным взглядом янтарных глаз и фыркнул.

– Разбудили, намочили, даже побили. Ну нигде от них покоя нет. – Хмурый взгляд уперся в подошедших мальчишек. И Имма, удивившись, заметила, что ее «загонщики» находятся в явном смущении и совершенно точно с опаской поглядывают на этого босоногого мальчишку со странными глазами.

– Кхм... Кот, извини, мы тут, это, играли, – переминаясь с ноги на ногу, промямлил заводила охотников, крепкий для своего возраста паренек. Имме было странно видеть, как лидер гнавшей ее через весь квартал компании, сильный и высокий, на полголовы возвышающийся над своим собеседником, робеет перед этим худым мальчишкой. – Извини, что, ну, не дали тебе отдохнуть. Мы ж не со зла, и это, мы пойдем, а?

– Куда? А девчонка?

Но мальчишек уже и след простыл. Кот вздохнул и смерил Имму долгим взглядом.

– Так. Чистенькая, богатенькая, испуганная. Вывод: не местная. И что мне с тобой делать?

Часть первая Странный

Глава 1 Прогулки и знакомства

Наблюдая за желтоглазым мальчишкой, действительно чем-то похожим на недовольного взъерошенного кота, Имма съежилась. Сходила посмотреть на выступление уличных актеров, называется. И что теперь будет?

Девочка судорожно вздохнула, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, а глаза застыли слезы. Она попыталась сдержаться, вспомнив наставления отца, но соленые капельки все равно сорвались с ресниц и покатались по щекам, оставляя на них мокрые дорожки.

– Вот ведь... – Мальчишка взлохматил и без того пребывающие в беспорядке длинные волосы и, решительно ухватив Имму за руку, потянул на себя. Так что в следующую секунду девочка уже оказалась на ногах. – Где живешь, мелкая?

– В... в Сейне, – со всхлипом выдавила она. – Я не мелкая.

– Расскажешь мне это лет через десять, – фыркнул в ответ мальчишка и, окинув ее взглядом, покачал головой, после чего парой резких уверенных жестов отряхнул ее белоснежную кожаную курточку и брюки от грязи и, как-то по-взрослому хмыкнув, махнул рукой. – Ладно, сойдет для сельской местности... Идем.

– Куда? – тут же напряглась Имма.

– Домой тебя провожу. Одна не дойдешь, обязательно во что-нибудь вляпаешься, – устало пояснил мальчишка и потянул Имму за собой, напрямик к забору. Девочка сначала было притормозила каблучками туфель, заслужив очередной недовольный взгляд от желтоглазого, но тут до нее дошел смысл сказанного, и Имма, тихо вздохнув, перестала упираться.

Оказавшись у самого забора, мальчишка вдруг подхватил Имму на руки и, на миг присев, совершил самый головокружительный прыжок, который девочка когда-либо видела. Нет, кое-кто из взрослых может и повыше прыгнуть, но то взрослые воины в боевом трансе, а здесь обычный двенадцатилетка?!

– Так быстрее будет, да и не надо тебе в нашем квартале светиться. И мне с тобой заодно, – пояснил этот Кот, спрыгнув с забора на другую сторону и поставив ошеломленную девочку наземь.

Имма неуверенно кивнула и последовала за мальчишкой, стараясь не отпустить его руки. Замелькали узкие переулки, затянутые веревками с сохнувшим, точнее, мокнувшим бельем, переходы и какие-то гулкие железные лестницы. Потеряться в этом лабиринте было куда проще, чем даже в хитросплетении улочек Старого города, но проводник уверенно тянул Имму за собой, прекрасно ориентируясь во всех этих поворотах, спусках и подъемах. А через десять минут таких петляний они вдруг вынырнули на широкую, сияющую сотнями только что зажегшихся огней улицу. Храмовый проспект!

Повернув голову влево, Имма радостно улыбнулась. А вон и сам храм! Отсюда она уж точно помнит дорогу домой. А значит...

Только мальчишке, кажется, не было совсем никакого дела до ее узнаваний. На ходу выслушав речь Иммы, он только фыркнул и, по-прежнему не отпуская ее руки, потянул к подземному переходу.

– Нет уж, мелкая, доставлю до Сейны, – отрывисто проговорил он и добавил тише, словно оправдываясь: – Еще не хватало, чтобы с тобой что-то случилось по дороге и твои

родители подняли шумер в моем районе. У нас, знаешь ли, и без клановых бойцов проблем хватает. Так что держись за руку и пошустрее перебирай ногами.

Остановились они, лишь добравшись до ворот, ведущих в Сейну – богатейший район города, – да и то лишь потому, что мальчишка заметил затянутых в темные костюмы охранников, расхаживающих у въезда. И словно в насмешку над промокшими детьми сопровождавший весь их путь дождь вдруг прекратился, а по разбегающимся тучам полоснули последние лучи закатного солнца.

– Тоже мне сикрет сервис, – непонятно фыркнул мальчишка, заметив охрану, на миг задумался и, повернувшись к Имме, поинтересовался: – Дальше-то дорогу помнишь?

– Мм... да, конечно, – замаявшись, пробормотала она.

Желтоглазый хмуро кивнул и, отпустив ее руку, развернулся, чтобы уйти. Имма бросила взгляд на ворота и с интересом наблюдающих за ними охранников, потом на прямую спину уже удаляющегося от нее босоногого паренька и почувствовала, как щеки алеют от стыда. Он ведь ей помог! Избавил от тех мальчишек, довел до дома. Имма решительно тряхнула кудряшками, глубоко вздохнула и, в два шага догнав его, схватила за руку.

– Идем! Со мной они тебя пропустят.

Желтые глаза несколько секунд рассматривали маленькую ладошку, обхватившую его запястье, а потом взгляд скользнул в сторону.

– Хм, любое дело надо доводить до конца. Правильно? – словно убеждая самого себя, пробормотал мальчишка и, кивнув, аккуратно перехватил ладошку Иммы своей ладонью. – Идем.

С охраной и в самом деле не возникло никаких проблем. Стоящий у ворот суровый мужчина разве что бросил несколько удивленный взгляд поверх затемненных очков на босые ноги мальчишки, сопровождающего маленькую жительницу Сейны, но и только... Впрочем, в том, что он не преминул сообщить о госте района своему начальству, у Иммы сомнений не было. Ну и ладно! В конце концов, кому какое дело, что за гости приходят к семье Рона?

Оказавшись в знакомой обстановке, Имма успокоилась, к ней вернулась столь старательно воспитываемая матерью гордость, и маленький носик тут же задрался вверх... на секундочку.

Сверкнул насмешкой взгляд спутника, и девочка тут же смущенно зарделась. А через пару минут перед ней возникли знакомые каменные львы, сидящие на воротных столбах родного дома. Створки тут же раздались в стороны, и за ними обнаружился Химм.

– Ой! – Имма съежилась и непроизвольно прижала свободную руку к пятой точке, задев хмуращегося наставника, но, тут же вспомнив уроки матери, выпрямилась и, стрельнув глазками в сторону своего невозмутимого спутника – не заметил ли? – улыбнулась наставнику и затараторила:

– Дядя Химм, я вернулась. Позволь представить тебе моего друга... – Если бы Имма не была так увлечена, она заметила бы удивление, тенью скользнувшее по лицу мальчишки, но сейчас у нее была другая задача: нужно заболтать наставника, чтобы тот не вспомнил о розгах. – Его зовут Кот! И он очень сильный и добрый.

Вот тут удивление появилось уже и на лице Химма. Столкнувшись взглядами, он и мальчишка одновременно воззрились на улыбающуюся Имму и так же одновременно хмыкнули.

– Ну что ж, друг Иммы – друг семьи Рона... Проходите, будьте гостем в нашем доме, уважаемый... Кот. – Намек на улыбку коснулся уголков губ старого наставника, и он посторонился, пропуская Имму и ее нового друга на территорию владения.

На этот раз проводником в их компании стала девочка. Она уверенно повела своего спутника в глубину огромного сада, и через несколько минут, миновав декоративный мостик

над рукотворным ручьем, они оказались у широкой веранды просторного деревянного дома с белыми ставнями на огромных окнах.

Но стоило Имме с Котом подняться на веранду, как одна из ставен распахнулась и из#за нее навстречу детям вылетела высокая рыжеволосая девушка в просторном домашнем платье-дори и, всплеснув руками, тут же закружила вокруг них.

– Вы же промокли насквозь! Имми, сестренка, где ты была? Мы тебя уже успели потерять! Дождь шел, солнце уже село... вечер, а тебя все нет и нет! Мама даже хотела отослать на поиски людей наставника Химма! – От легких пассов девушки вокруг детей поднялся теплый ветерок, но, учитывая, что она продолжала кружить, создавалось впечатление, что это от самого ее движения поднимается ветер, треплющий одежду и волосы замерших на месте ребят.

– Итта, прекрати уже! – топнула ногой девочка, пытаясь остановить этот поток слов и заслужив тем самым недоуменный взгляд своего спутника и умиленную улыбку сестры. – Со мной все в порядке. Засмотрелась на выступление уличных актеров, а потом немного... заблудилась. Вот Кот и помог мне найти дорогу и проводил до дома.

– Так, стоп. Не заговаривай мне зубы. – Девушка взмахнула рукой, и ветер послушно стих. – Расскажешь все за ужином. А теперь, раз вы уже сухие, идите в дом, я осмотрю вас. Не хватало, чтобы вы еще простыли после прогулки под дождем. Ну же... шагайте, оба.

Кот не сдержал легкой ухмылки, и Имма, заметив ее, пожала плечами.

– Моя старшая сестра Итта, – со вздохом сообщила она своему молчаливому другу и, подумав, добавила: – Бойся ее. Она всегда такая, если рядом нет дяди Химма или ее разлюбленного Оррина.

– Имма! – чуть покраснев, воскликнула та и решительно подтолкнула детей ко входу в дом. – Что ты несешь, мелочь!

– Так, заканчивайте балаган и дайте мне познакомиться с избранником моей младшей дочери.

Услышав эти слова, произнесенные знакомым голосом, Имма насупилась, краснея вслед за сестрой. Такие утверждения из уст отца смутили ее не меньше, чем крики «тили-тили-тесто» ребят в школе про одноклассников Финну и Иттера. А тут еще и сестренка хихикает. Ну вот как так можно, а? Что о ней подумает Кот?!

Имма взглянула на своего невозмутимого спутника и облегченно вздохнула. Кажется, ничего страшного... А вот и отец.

Возникший на пороге высокий подтянутый мужчина в светлом льняном костюме легко скользнул вперед и, окинув моментально примолкших сестер суровым взглядом, уставился на гостя. А тот, ничуть не смутившись, ответил взглядом таким же – прямым и спокойным. Янтарно-желтым против пасмурного серого.

Имма забеспокоилась. Очень немногие могут выдержать изучающий взгляд отца. Но через минуту девочка улыбнулась. Ее новый друг с легкостью прошел это испытание. Даже сестренка под давлением отцовской силы чуть подалась назад, а в фигуре и взгляде Кота не было даже намека на напряжение.

– Добро пожаловать в дом Рона, юноша, – сказал отец, отпуская свою силу, и повел рукой, пошире открывая ставню.

А Кот удивил. Неожиданно, вскинув голову, мальчик приложил правую руку к сердцу и резко кивнул:

– Пусть духи будут благосклонны к этому месту.

Тихий ровный голос едва замолк, как легкое дуновение силы волной разошлось в стороны, и тут же от скрытых вечерними тенями кустарников послышалось пение цикад.

– Ой. – Имма почувствовала, как на ней скрестились взгляды отца и сестры, и тихонько проговорила: – Я не знала. Честное слово.

Мальчик перевел непонимающий взгляд с Иммы на сестру, потом на отца. Не понимает, что произошло? Или не знает?

– Хм... – Отец неожиданно усмехнулся и, кивнув гостю, молча скрылся в доме.

– Вот умеешь ты, сестренка, добавить этой жизни перца, – хихикнула Итта, подталкивая детей. – Идемте.

Ры-ыбка! Как-то незаметно для себя очутившись за обеденным столом в доме Иммы, я мысленно облизнулся. Ну не зря же меня на улицах Котом прозвали, хотя любовь к рыбке была, конечно, не единственной и даже далеко не основной причиной появления этого прозвища. К сметане, например, я так и остался довольно равнодушен, а молоко полюбил и вовсе задолго до всей этой занимательной чехарды со снами. Вообще есть у меня о#очень серьезное подозрение, что сны эти... не совсем сны. Нет, это не кошмары и не видения от той горсти таблеток, что входит в мой ежедневный рацион. Это что-то совсем другое. Достаточно сказать, что они не похожи на обычные именно своей последовательностью и логичностью. И всегда связаны одним, так сказать, местом действия. Большой город у моря с совершенно незнакомыми мне названиями улиц и неизвестными мне памятниками, с обычными машинами совершенно незнакомых мне марок и рекламой абсолютно неизвестных фирм. Язык? Да и он совсем не похож ни на один из тех, что я когда-либо слышал. Правда, это ничуть не мешает мне понимать местных жителей и читать рекламные вывески на городских улицах. В общем-то, чехарда с пониманием языка и письменности и есть одна из тех немногих вещей, что роднит происходящее с обычными снами.

Ну а кроме того, если не считать некоторой, хм, сказочности, скажем, я не чувствую себя здесь так, как это бывает в нормальных сновидениях. При всей яркости ощущений, давно недоступной моему старому телу в реальности, здесь отсутствует то, что, на мой взгляд, составляет основное качество любого сна. Нет полной свободы и ощущения вседозволенности. Так что прыжок с небоскреба не превратится в полет. Не пробовал, но точно знаю. Уверен. Хотя некоторые вольности вполне допустимы. Правда, их я обычно обнаруживаю чисто случайно... Ну да тем интереснее.

Страх? Пф! Не смешите. Что может испугать стоящего одной ногой в могиле старика, недавно отпраздновавшего свой девяносто шестой день рождения и за долгую жизнь прошедшего, что называется, и Крым и Рим? Возвращение красок жизни... хотя бы и в таких вот странных снах? Да это счастье. Уж поверьте. И что с того, что в них я веду жизнь мелкого беспризорника или того хуже? Это же интересно, честное слово. А незнакомый мир вокруг так привлекателен, хотя за последние пару-тройку лет он стал чуть ближе, это точно. По крайней мере бедная часть того города, в котором я сплю, – да. Или бодрствую? В общем, живу, пока не засну, чтобы вновь оказаться в своем родном теле.

Да, с некоторых пор «реальность» этих снов начала расти. И если еще года три назад подобные видения были редкостью и не отличались особым правдоподобием, то чем дальше, тем более подробным, логичным и все более ощутимым становится для меня этот мир. И если цвета и звуки изначально были такими яркими и четкими, то вот запахи, вкусовые и тактильные ощущения начали нарастать лишь спустя пару лет моей реальной жизни. Зато сейчас... хм, порой мне кажется, что этот мир стал для меня куда более настоящим, чем тот, в котором прозябает мое тело в ожидании скорого конца.

Уж очень подробен этот мир. Подробен и правдоподобен, если опустить некоторые детали вроде тех выкрутасов с воздухом, что творила старшая сестра моей новой знакомой, встретив нас у входа в дом. Да и батюшка их непрост. Ох непрост...

– Мм, Кот... – Голос матери Иммы, статной женщины с выдающимися... кхм, достоинствами, заставил меня отвлечься на миг от разделявания запеченного в соли озерного карпа. Не скажу, что получалось ловко: все-таки это тело хоть и стало давно привычным для меня,

прежде не сталкивалось с таким количеством приборов на столе. Да я и за обычным-то столом в этом сне сидел раза три-четыре, не больше. Короче, были у меня определенные проблемы с управлением приборами, впрочем, довольно легко сглаживаемые за счет скорости реакции и ловкости, которые уже дважды не позволили рыбьей голове улететь в чужую тарелку. И кто им сказал, что рыбу нужно есть ножом и вилкой? Извращенцы. Пф! Стоп... меня, кажется, кто-то о чем-то спрашивал?

– Извините, я задумался. – Лучше честно признаться, чем выставить себя идиотом, попытаюсь ответить на неизвестный вопрос. – Не могли бы вы повторить свой вопрос?

– Конечно. Расскажи о себе, пожалуйста, – с готовностью откликнулась мать Иммы, Ринна Рона, такая же огневолосая, как ее старшая дочь. А вот Имма – блондинка.

– Живу в Бокко, подрабатываю в забегаловке Толстого Риггара, ну и так, по мелочам. Собственно, все, – коротко отчитался я.

– А в каком классе учишься? – опередила готовую задать следующий вопрос родительницу Имма, но, как ни странно, кроме укоряющего взгляда наставника никаких санкций не последовало. Наоборот, на меня уставились сразу четыре выжидающих взгляда. И что ей ответить? У нас в Бокко только четверо ребят ходят в школу! Я же о ней вообще ничего не знаю. Впрочем, помнится, Грин, один из этой четверки, примерно моего возраста паренек... А! Да ну его!

– Я не учусь в школе, Имма.

– Везе#о-от, – тихо вздохнула девочка и, поняв, что произнесла это вслух, тут же испуганно зажала рот ладошкой. Но слово не воробей, вылетит – фиг поймашь. Так что через секунду сестра и мать Иммы весело смеялись, и даже суровый отец старательно давил ухмылку. Не спорю, зрелище, конечно, комичное, но...

Поймав мой взгляд, наставник Химм, сидевший напротив, чуть качнул головой.

– Имми#очень не любит учиться. Зубрежка ей скучна, – доверительно сообщил он. Вот как, неужто он решил, что я мог расстроиться из#за этого смеха?

– Полностью с ней согласен, – коротко кивнул я в ответ.

– Интересно. Считаешь, что сможешь прожить без образования? – тут же вклинилась старшая сестра Иммы, и в ее голосе уже совсем не было смеха. Она что, решила меня «построить»?

– Так живет бо́льшая часть Бокко, – пожал я в ответ плечами. – Кроме того, я говорил не об учебе, а о зубрежке. Бесплезная трата времени.

– Кхм, вынужден согласиться с... Котом, – протянул отец Иммы. – Нынешняя система образования губит на корню любой интерес молодежи к учебе. И именно из#за того, что пытается вбить в них некий объем обязательных знаний, не считаясь...

– Ран-дон... – Супруга главы дома покачала головой, и тот осекся.

– Кхм. Ну да... занесло. Бывает. – Рандон Рона развел руками и, покосившись на внимательно слушающую его Имму, заговорил совсем другим тоном: – Но мое недовольство системой, маленькая ллай, совсем не означает, что вы можете манкировать учебой. Ясно?

– Конечно, – печально вздохнула та, опять вызвав улыбки окружающих, поток эмоций которых чуть не утопил меня в умилении. Не спорю, Имма и впрямь очаровательна в своей непосредственности, но меня-то за что?!

– Кот, а вы¹ давно живете в Бокко? – поинтересовалась мать Иммы, явно выделив вежливое обращение. При этом смотрела она на свою старшую дочь. Надо же... Итта покраснела. Впрочем, у рыжих это быстро...

¹ Форма обращения здесь приведена весьма приблизительно и дана для удобства. В местном языке она зависит от статуса. Между друзьями и хорошими знакомыми форма будет одной, между коллегами – другой, между незнакомыми или неравными по положению – третьей. Но для простоты я буду использовать привычную. За редкими исключениями...

– Сколько себя помню.

– А ваши родители?

И что мне ей ответить? Остается только пожать плечами. Опять.

– Кстати, они не будут волноваться о вашем отсутствии? Все-таки время уже позднее. – Это был заход с другой стороны, если я правильно понимаю. Хм... А ведь будь на моем месте человек постарше, он бы наверняка решил, что это намек, типа: гости, а не надоели ли вам хозяева?

– Я живу один.

– О... – Супруга хозяина на миг замерла, но, попытавшись продолжить допрос, была тут же остановлена мужем, сжавшим ее ладонь.

– Рин-на. – Ха, даже интонации одинаковые. Ринна Рона вздохнула и, наступив на горло своему любопытству, кивнула.

– Хорошо-хорошо. Но у меня предложение. Кот, если вы не торопитесь домой, может быть, останетесь сегодня у нас?

Неожиданно. Вот так запросто взять и предложить остаться в гостях беспризорнику из подворотни? В доме, где одна ложка стоит больше, чем все мое имущество? Чего-то я не понимаю. Но... отказываться не буду.

– С удовольствием. – Я кивнул, и лица Ринны и Итты отчего-то разом просветлели. А рядом со мной ударил просто настоящий фонтан радости. Имма.

– Рар-рра! – Маленький кулачок устремился вверх, и над ним расцвел настоящий фейерверк! Вот так-так. Я#то раньше думал, что на подобные фокусы только взрослые способны. Ну, или почти взрослые, если вспомнить Итту. А тут десятилетняя девчонка такие номера откалывает. Интересно-о...

– Имма! Сколько раз говорить – за столом не место баловству! – одернула мать.

– И#извините. – Девочка тут же притихла, лишь радость ее никуда не делась. Чертова эмпатия.

– После ужина покажешь Коту гостевую комнату, а Итта...

– Я отдам указания слугам, мама. Не волнуйся, – не дожидаясь окончания речи Ринны, заверила ее старшая дочь. Химм с Рандоном переглянулись, но промолчали. Хм, я и раньше замечал, что женщины здесь полновластные хозяйки дома и мужчины стараются не лезть со своими замечаниями в их епархию. Вот и очередное доказательство. Правда, в Бокко это куда более явно выражено. Вон когда Толстый Риггар попытался в очередной раз увильнуть от обязанности натаскать питьевой воды в домашний бак, женушка не постеснялась и скалкой по его спине пройтись. Это при том что в их забегаловке, где она принимает заказы, а сам Риггар кашеварит, Отте даже в голову не приходит перечить мужу.

Я же говорю, любопытное место...

Ужин скоро закончился, причем, кажется, я удивил хозяев дома отказом от десерта. Ну да, я и в той... в смысле, в реальности не люблю сладкого. Никогда не любил. А вот от стакана молока не откажусь. Вместо местного чая, который здесь пьют все... и бедные, и богатые, от мала до велика. Кстати, это действительно чай, а не «что-то вроде того». Хорошая штука. Был бы у меня угол попросторнее, обязательно завел себе чайный столик, но – увы, моя зимняя «берлога» слишком мала, а летом я предпочитаю жить на улице. Обычно на крыше того дома, в котором располагается забегаловка Толстого. Но сейчас там затеяли ремонт, а с других крыш меня гоняют местные жители. Боятся, что я их сохнувшее белье сопру. Идиоты.

Глава 2

«Дело было вечером, делать было нечего»

Поздний вечер в Тако-Прибрежном – можно сказать, ночь на дворе. Тихо шумят деревья, и из-за приоткрытых ставен, путаясь в мягких складках штор, то и дело врывается легкий ветер. Свежий после дождя, умывшего разморенный от жары город, он несет с собой запахи цветущего сада и обрывки чьих-то слов...

Кто бы знал, какое это наслаждение набрать полную ванну горячей воды и отмокать в ней в свое удовольствие сколько влезет. Это не редкий душ в подсобке забегаловки Толстого, где больше десяти минут не пробудешь. Обязательно кто-нибудь из персонала начнет ломиться и орать об экономии воды, а когда выберешься, еще и заставят натаскать заново опустевшую бочку как самого младшего. А уж о по-настоящему горячей воде можно только мечтать. Да, летом бочка прогревается, но теплая вода – это все равно не то. Да и теплой она будет для первых двух счастливиц, а остальным придется натаскивать заново... холодной.

А зимой старый электрический водонагреватель все равно не справляется с такой нагрузкой, да и пробки выбивает со второго раза на третий. Так что зимой горячей воды мне тоже не видать как своих ушей. Нет, конечно, тот же Риггар свободно может нагреть воду в бочке одним жестом, но у него не так много сил, и те большей частью уходят на поддержание нужной температуры в духовых шкафах и на плите, не подключенных к старой электросети. В общем, не до того ему. Тем более что сам Толстый, как и его не менее обширная женушка, предпочитает мыться дома, так что до подсобки и проблем персонала с холодной водой ему и дела нет. Хотя сколько там того персонала. Две племянницы Отты, пока еще уступающие тетке в габаритах, но уже ничуть не отличающиеся от нее голосом, визгливым и пронзительным, словно бензопила на высоких оборотах. Да пара кухонных помощников, меняющихся чуть ли не каждый месяц. Ну и, собственно, я... хотя какой из меня персонал?! На кухню пускают, и то ладно. А так – подай-принеси-не мешайся-пошел вон.

Я пытался отводить душу в реальности, но не то. Старому телу по фигу, а на этом подобные экзерсисы никак не отражаются. Потому и радуюсь выпавшей возможности насладиться горячей ванной во всей полноте ощущений, пусть и во сне.

Поправив слишком большой для меня мягкий и пушистый халат, я с удовольствием прошелся босыми пятками по огромному ковру в выделенной мне женщинами Рона комнате на втором этаже их просторного дома. На миг застыв у окна и полюбовавшись видом на освещенный неяркими огнями сад, я с удовольствием рухнул в огромное кресло и, привычно свернувшись, задремал под доносящееся из приоткрытой фрамуги тихое гудение голосов.

– Ну и что вы думаете по поводу нового друга Иммы? – протянул Рандон, удобно устроившись в шезлонге на полутемной веранде. Сидящие в таких же «креслах» поблизости Итта с Ринной переглянулись, и после короткого безмолвного диалога дочь уступила матери.

– Странный мальчик, – тихо проговорила Ринна. – Если бы дом не откликнулся на его зов, я предпочла бы отделаться от него побыстрее. Бездомный мальчишка в Сейне не лучший вариант.

– Но дух откликнулся, – столь же тихо заметил Химм, стоящий прислонившись спиной к столбу, подпирающему веранду, под единственным освещающим ее фонарем. Наставник вернул на столик опустевшую чашку и, глядя в усыпанное звездами небо, договорил: – Дому он нравится, мне тоже... адекватный паренек. Хитрый, конечно, но злобы в нем нет. Совсем.

– Хм, наставник, вы же не хотите... – чуть помявшись, заговорила Итта, на что Химм только улыбнулся.

– Я не хозяин, решать не мне. Но если тебе интересно мое мнение – я склонен подождать. Пусть поживет у нас, присмотримся друг к другу.

– Точно те же слова ты как-то сказал моему отцу об одной огневолосой девчонке, – усмехнувшись, покачал головой Рандон. – С тех пор много воды утекло, но...

Итта перевела взгляд со смеющегося отца на мать, потом взглянула на лукаво улыбающегося наставника и поперхнулась.

– Он же маленький еще! – воскликнула она, когда справилась с эмоциями. И еще один взрыв смеха разорвал тишину дремлющего сада.

– Ой, милая моя... ты так забавно возмущаешься, что мы просто не могли удержаться! – Отсмеявшись, Ринна взглянула на насупившуюся дочь и, фыркнув, успокоила ее: – Никто не собирается выдавать вас замуж за первого попавшегося босняка, будь он хоть сам Великий дух во плоти. Но и терять такие возможности, когда они сами приходят на порог твоего дома, было бы плевком в лицо своей удаче. Тем более что сейчас у нашей семьи нет своего слушающего.

– Но ты же сама сказала, что хотела бы отделаться от него побыстрее.

– Если бы он был обычным беспризорником, – кивнула мать.

Итта недоуменно тряхнула рыжими кудрями, но тут на помощь пришел отец. Рандон потянулся и, не заметив понимания в глазах дочери, вздохнул.

– Итта, пора бы уже научиться разбираться в этих словесных кружевах. Мать всего лишь намекнула на возможные проблемы, сопутствующие образу жизни нашего гостя. Поверь, люди, выросшие в условиях, подобных тем, что достались на долю этого мальчишки, частенько тянут за собой груз привычек, порой неприятных для окружающих. Отсутствие родителей да и просто ответственных взрослых рядом лишает тепла и участия, а человек, не видевший доброго отношения к себе, обычно вырастает крайне недоверчивым и впоследствии, случается, сам оказывается не способен на участие. Вопрос воспитания, знаешь ли. Моральные ценности и ориентиры формируются...

– Рандон, ты опять увлекся, – коснувшись руки мужа, покачала головой Ринна, а когда тот покаянно кивнул, повернулась к дочери. – Я всего лишь хотела сказать, что мальчик, оставшись у нас, может доставить неприятности, причем не по злобе, а просто исходя из своего специфического опыта. Но Химм со мной не согласен.

– Э? – Итта вновь замерла словно в ступоре. Что, естественно, не укрылось от взора Ринны.

– Ох, девочка, когда же ты научишься слушать? – вздохнула мать. – Вспомни, что сказал наставник о нашем госте, помимо того что «он интересен»?

– Мм... что Кот... адекватный? – пожала плечами Итта.

– Именно. А такие слушающие вообще... ну, не редкость, конечно, но близко к тому, – кивнула женщина.

– То есть они сумасшедшие? – уточнила Итта, моментально заслужив укоряющий взгляд матери, и замолчала.

– Нет, – вмешался Химм, перебив Ринну. Но та и не подумала обидеться. В конце концов, наставник есть наставник и именно в его обязанности входят объяснения подобных вещей. – Слушающие – не сумасшедшие. Хотя сильнее из них могут производить подобное впечатление. Просто общение с духами накладывает на них свой отпечаток. Да и отношение обычных людей к ребенку, общающемуся с невидимыми друзьями, не проходит без последствий. Постепенно, хотя и довольно быстро, такие дети начинают понимать что к чему или им сами духи подсказывают, и слушающие переходят на мысленно-эмоциональное общение с ними, закрываясь от окружающего мира. Слушающим тот становится просто неинтересен... и не нужен. А зачем? Ведь духи могут дать им куда больше, чем люди. В общем, найти слушающего... сильного слушающего, адекватно воспринимающего твар-

ный мир, – большая удача. Хотя, конечно, без маленьких странностей у Кота тоже не обошлось, но это ерунда.

– Понятно. А как вы определили, что он хитер и лишен злобы? – поинтересовалась у наставника Итта.

– Мальчик сумел выжить в Бокко в одиночку, – пожав плечами, ответил тот. – Заставил считаться с собой сверстников, если помнишь рассказ сестры, имеет работу, пусть и неквалифицированную, но мы говорим о двенадцатилетнем мальчишке! Самостоятелен. Все это говорит об уме, хитрости и силе воли. Ну а то, что при этом в нем нет злости и ненависти к окружающим. Я эмпат, ты не забыла? А вообще могу заметить, что наш гость довольно скуп на эмоции. По крайней мере для окружающих.

– Защитная реакция? – тут же предположил Рандон, готовый вновь оседлать любимого конька.

– Возможно, – кивнул наставник. – Но как в этом случае быть с любопытством? Единственное чувство, которое в нем так и плещет, за исключением, может быть...

– Что? – поторопил старого эмпата хозяин дома.

– Я впервые в жизни видел человека, который так наслаждается самим фактом своего существования, – медленно проговорил Химм.

Родители Итты озабоченно переглянулись.

– Думаешь, он одержим? – после небольшой паузы хмуро осведомился Рандон.

– Нет-нет, он человек, несомненно. Мои печати не пустили бы в дом даже высшего демона, а любого мелкого беса просто испепелили бы на пороге, вместе с носителем, – покачал головой Химм. – Но знаете, почему этот мальчишка, например, ходит босиком?

– Мм... ну, может быть, у него нет денег на обувь? – выдала очевидность Итта, потакая любви наставника к объяснениям. Уж за десять лет учебы у Химма она освоила эту хитрость, не раз спасавшую от неминуемой расправы за невыученный урок. Всего-то и надо было дать наставнику выговориться, и он тут же подобрееет.

– Ну да, но при этом у него достаточно денег пусть на дешевую, но неплохую одежду, да? – усмехнулся довольный Химм, не обратив никакого внимания на промелькнувшие улыбки. – Нет, все куда проще. Ему просто так больше нравится. Честное слово, когда он шел по ковру в столовой, от него так и шибало удовольствием. Про сам обед я и вовсе молчу. У мальчишки очень ярко выраженная чувствительность, по крайней мере в том, что касается осязания и обоняния. Я же говорю – очень, очень интересного гостя привела наша Имми.

– Маленькие странности, да, Химм? – покачав головой, тихонько вздохнула Ринна.

– Ну да, – с усмешкой кивнул наставник, наполняя кружку чаем. – Они самые.

– Что ж, я доверяю твоему мнению, Химм. – Хлопком в ладоши хозяин дома закончил обсуждение и повернулся к супруге. – Попробуем уговорить мальчика остаться у нас. Поможешь ему освоиться, дорогая?

– Думаю, возложим эту обязанность на наших дочек, и жить он будет в садовом домике, – после недолгого раздумья согласилась Ринна, тряхнув гривой роскошных рыжих волос, и договорила: – По крайней мере, пока я не буду в нем уверена.

– Ой, кот! – вдруг воскликнула Итта, увидев выглянувшую из-за среза крыши веранды черную ушастую мордочку, сверкающую зелеными огоньками глаз.

– Кот? – не понял Химм и, сделав рукой какой-то пасс, фыркнул. – Тебе померещилось. Мальчик спит!

– Да нет же, не тот Кот, а кот – в смысле, котенок! – Итта ткнула пальцем в сторону черной морды, с любопытством рассматривающей сидящих на веранде людей. – Видите?

На этот раз долго бодрствовать мне не довелось. Муть перед глазами, встревоженные голоса поблизости и знакомый писк медицинских приборов у изголовья. Кажется, понял:

мое дряхлое тело вновь угодило в больницу. Что ж, вполне закономерно. В последнее время мне и на ногах-то стоять тяжело было: так что ничего удивительного. Слабость? Да, чуть больше, чем обычно, – тоже понятно. Значит, состояние ухудшилось. А вот то, что во время визита врачей и госпитализации я даже не проснулся, это действительно нехорошо. Значит, проделано все было в экстренном порядке.

Тихий плач в стороне. Маша? Внучка... поня-атно. Кажется, мое дело – труба. Если уж наша маленькая «железная леди» не сдерживает слез.

– Док-тор, сколь-ко? – Рука изо всех утекающих сил хватается за полу прошелестевшего рядом халата. Размытое лицо замершей от неожиданности женщины... да, женщины – запах духов я чувствую.

– Вам нельзя говорить, – ровный мягкий голос, усталый.

– Дедушка! – Маша срывается с места и одним рывком оказывается рядом со мной. – Де-эда! Ты очнулся!

– Не шумите, или я выведу вас отсюда, – немного недовольства в голосе врача... наигранного недовольства. – Вашему дедушке нужен покой.

– Покой нам только снится, – раздвигаю сухие губы в подобии улыбки. – Девочка, мне недолго осталось, дай поговорить с детьми, а?

– Что вы, вам нужно отдохнуть. – В голосе врача появляются нервные ноты. Молодая еще, неопытная, точно. Сколько я их на своем веку повидал.

– Скоро отдохну, милая. – Кашель прерывает слова, и на белоснежном пододеяльнике появляются красные пятна. Ну да, этого следовало ожидать. Значит, предчувствие не врет, оно никогда меня не обманывало, да... Вытираю тыльной стороной ладони губы, и другая рука начинает шарить вокруг, и в нее тут же утыкаются мои очки, поданные внучкой. Умница. – Родители где?

Врач тихонько отходит в сторону.

– Там. И Иринка с Лешкой тоже, и дядька. И тетя Оля со своими, – заплаканная мордашка внучки кивает на входную дверь. Ну да, вчера же мой день рождения отмечали: ничего удивительного, что вся семья в сборе. Хотя подарочек я им подарил, конечно... м#да... – Позвать?

– Конечно. – Хочу кивнуть, но понимаю, что на это уйдет слишком много сил. Поберегусь. Недолго осталось.

– Де-эда...

– Зови их, егоза.

В палате становитсялюдно. Докторица явно не в восторге от происходящего, но перечить главврачу, а по совместительству моему среднему сыну, опасается... или стесняется. Зря, он хороший человек, только женился, придурок, на своей работе. Автоматически окинув взглядом мнущуюся у окна врачиху, неожиданно легко понимаю ее смущение. Во как...

На глазах у удивленных детей жестом подзываю ее к себе, а когда не менее удивленная докторица склоняется к моему лицу, чуть не задевая весьма внушительным бюстом, усмехаюсь. О да, хороша...

– Позаботься об этом оболтусе, пока он окончательно в монахи от медицины не ушел.

Глаза женщины округляются, она краснеет и чуть ли не отпрыгивает от меня, одновременно устремляя ошеломленно-испуганный взгляд на начальника.

– Ну, ба-атя-а! – гудит этот медведь, пунцовая не хуже докторицы. Кха-ха-ха...

– Ты мне... еще поговори, – с трудом справившись с кашлем, содрогающим тело, оты-ваюсь я.

Докторша исчезает из палаты, провожаемая взглядами моей младшей дочери и Маши. Ну да, теперь Василек точно не выкрутится. Все визнают, все выпытают... и женят. Хорошо.

– Де-эд, мне страшно, – оказавшийся рядом младший внук смотрит мне в глаза.

– Всем страшно, Игоряша. Мы, люди, существа тха-кхакие, смерти боимся, неизвестности боимся. Зря. – Сжимаю ладошку мальчишки и улыбаюсь. С трудом, но пока получается. – Знаешь, как наши предки кха-хговорили? Пока мы есть, смерти еще нет, а когда нас нет, ее уже нет. Смерти нет, слышишь?

Внук сосредоточенно кивает, а за ним и подобрравшиеся сыновья. Молодцы... надеюсь, у них хватит сил, чтобы уговорить женщин, когда те поймут. Темнота наплывает, размывая лица семьи, детей. И сознание словно падает в колодезь. Милая, я иду...

Однако вместо встречи с почившей супругой меня ожидает рассеивающаяся темнота, открывающая черно-белый вид и миллиарды запахов и звуков. Мокрый после дождя сад, и стремительный полет сильного тела по ветвям деревьев. Бег по влажной земле – вперед, вперед, вымывая из мыслей тоску и боль по потерянной семье теперь уже точно потерянной, навсегда.

Взгляд цепляется за ползущую по ветке змею... Рывок! И сильное тело бьется и извивается, но не может вырваться. Несколько судорожных рывков чуть не сбрасывают меня с дерева, но в конце концов змея обвисает. Мертва! Охота удалась. С удовольствием вгрызаюсь в холодное тело и, чувствуя, как по подбородку стекает черная кровь, облизываюсь. Окинув взглядом огромное тело убитой твари, потягиваюсь и приступаю к пиршеству.

Утро встретило меня шумом в саду и приятной легкостью в теле. Выкатившись из оказавшегося таким уютным кресла, я, позевывая, отправляюсь в ванную и, только смыв с себя контрастным душем остатки сонливости, вспоминаю о происшедшем этой ночью. Пытаюсь проснуться, и... ничего.

Что ж. Этого следовало ожидать. А вот эмоции по поводу ушедшей жизни. Больно? Да нет. Скорее грустно, как... как от воспоминаний о жене. Светлая такая грусть и нежность. Впрочем, а чем нынешняя ситуация отличается-то? Да и детям сейчас куда хуже. Ну ничего, они справятся, я знаю. Они у нас с Катей сильные выросли, умные.

У отражения в зеркале на губах сама собой возникает гордая улыбка. Тряхнув не покорной никаким расческам шевелюрой и подмигнув своему двойнику за стеклом, я выхожу из ванной, чтобы тут же нарваться на застывшую посреди комнаты Имму. Отчаянно краснеющую Имму. Хм... наверное, не стоило мне забывать халат в кресле.

С отчетливым писком блондинка, словно заправский солдат, разворачивается через плечо на сто восемьдесят градусов.

– Там... завтрак... пришла позвать, – доносится из комнаты, пока я, вновь скрывшись в ванной, надеваю постиранные вечером и уже успевшие высохнуть трусы. Теперь джинсы и майка. Все, я готов.

– Завтрак – хорошо, – оказавшись за спиной девочки, легонько дергаю ее за собранные в хвост волосы.

– Дурак! – выдает красная, как амстердамский фонарик, блонда и, сорвавшись с места, исчезает за дверью.

От домового идут волны довольства. Ну да, конечно, этим созданиям чем больше эмоций, тем лучше. А какие они будут. Впрочем, вру. По большей части такие вот домовые... предпочитают светлые чувства. Тоски и злобы они не переваривают. Наверное, поэтому в Бокко их немного. У нас в районе с радостью как-то туговато. Зато и переродившихся тоже почти нет. А такое случается, когда домовой хватанет чернухи через край. То, во что подобный неудачник превращается, я и называю переродившимся или просто кошмариком. Они тоже разными бывают. Помню, нарвался я год назад на одного такого, в старой больнице он жил. Сильный был гад – отожрался на чужой боли так, что и сам начал из пациентов силы тянуть. Собственно, меня туда и позвали, когда стало ясно, что еще чуть-чуть – и больницу прикроют из-за повышенной смертности в ее стенах. А она в Бокко последняя. Еле задавили уроды, и то пришлось свободных на подмогу звать, а то бы он меня без соли

сожрал. И хорошо еще, что такие вот кошмары с места привязки уйти не могут. Точнее, не так: сбежать они могут, но только если их дом разрушить. С подобным мне тоже сталкиваться доводилось. Собственно, ничего странного. Работа у меня такая... та самая, которая по мелочам и о которой семье Рона лучше не знать. Для их же спокойствия и чтобы не пытались запретить. На одних подачках от Толстого Риггара не пожирешь – вот и приходится крутиться... благо у старого барахольщика Холла, предпочитающего зваться антикваром, подработка для меня всегда найдется. Ну... почти всегда.

– С добрым утром, Кот, завтрак на столе. Присоединишься? – У входа в комнату остановилась Итта, а в глазах чертики пляшут. Наверняка уже в курсе происшедшего...

– Хорошее утро. Иду, – кивнул я.

Вопрос, заданный мне хозяином дома, пригласившим к себе в кабинет после завтрака, как ни удивительно, не стал для меня сюрпризом. Чего-то в этом роде можно было ожидать после той реакции, что выказали Роны в ответ на мое приветствие. Слушающий? Что ж, пусть так. Бар... антиквар Холл звал меня маленьким охотником и сетовал, что таких, как я, в Бокко почти не осталось. А в Сейне, значит, подобных называют слушающими. И здесь тоже таких мало. Уточнение: свободных слушающих мало. А чужих, то есть входящих в окружение проживающих здесь семей или же входящих в сами эти семьи, можно разве что для разовых акций нанимать. Потому как доверять им нельзя.

Собственно, это не мой вывод. Рандон Рона сам объяснил мне эти маленькие тонкости. И не соврал. Хотя сколько правды в его словах, а сколько недоговоренности, мне не определить. Хм...

– Договор? – приподняв бровь, спросил я после окончания короткой лекции.

– О... условия? – приняв тот же тон, выдал Рандон.

– Проживание, еда, деньги, свободное время, – перечислил я и, подумав, добавил: – Возможность частных заказов.

Ну не то чтобы я так уж привязался к Холлу или испытываю нежные чувства к своему нынешнему месту жительства, но барахольщик был прав: других охотников в Бокко нет. И если с мелочью может справиться любой из местных ройнов²... по крайней мере, из бригадиров – орров, то домового-перерожденца им точно не потянуть. Да и... нравится мне это дело. Охота, адреналин... денежка опять же...

– Что ж... если твои «частные заказы» не будут противозаконны и не нанесут вреда репутации моей семьи, я думаю, мы договоримся, – улыбнулся мой собеседник, оправившись от удивления. Впрочем, если бы не моя чувствительность, черта с два я бы понял, что он удивился. Улыбки улыбками, но выражение лица у уважаемого лона Рандона непроницаемое. – Оговорим подробности?

Я кивнул, и на столе между нами материализовался лист бумаги, который хозяин кабинета тут же начал заполнять мелким убористым почерком. Интересно, а испытательный срок он назначит?.. Назначил. И не только его.

² **Ройн** – боец местной мафии, Ройнорры. **Орры** – соответственно, общее наименование командного состава ройнов.

Глава 3

«Учат в школе, учат в школе...»

– Кот! Ко-от! Ты опять проспал!

Я открыл глаза и недовольно взглянул на мечущийся по моей комнате блондинистый ураган. Вот ведь неугомонная девчонка, а? Ну что ей от меня надо? Время... я перевел взгляд на будильник и, обнаружив расколотый корпус и обиженно помаргивающий покрытый трещинами дисплей, охнул. Восемь утра! Черт, я проспал!

Выпрыгнув из постели и не обращая внимания на уже ставший обыденным писк покрасневшей Иммы, я рванул в ванную. Нет, а чего она хотела? Знает же, что я предпочитаю спать нагишом, сколько раз уже так нарывалась, и все равно вламывается в мою комнату, а потом краснеет и пищит... Ну где логика, я вас спрашиваю?! Бл-лондинка...

Я в темпе вальса привел себя в порядок, оделся и, с привычным вздохом обувшись в кроссовки, подхватив стоящий в прихожей рюкзак с парой тетрадей и планшетом, огляделся в поисках куда-то пропавшей Иммы.

– Кс-кс-кс... – О, а вот и она. – Ко-от, он снова от меня спрятался.

Девочка вышла из гостиной, оглядываясь по сторонам. Ну да... подозреваю, что Шредер и есть цель ее ежеутренних набегов на мой дом. Счастье хвостатого, что за прошедшие три с половиной года она так ни разу и не смогла его здесь поймать. Да-да, вот уже три года я живу в этом доме. Точнее, три года и три месяца. Первые три месяца испытательного срока, назначенного Рандоном Роной, мне пришлось пожить в «садовом домике» на территории имения его семьи в Сейне. И был этот домик побольше, чем мое нынешнее жилье. Впрочем, мне и здесь неплохо. Кухня-столовая, две спальни, все удобства и... ни одного богатого хлыща из Сейны поблизости. Обычный район Среднего города, как раз за храмом Великого духа. Хорошее место и недорогое... ну, по крайней мере, мне по карману, хотя одной компенсации стоимости съемного жилья от семьи Рона все-таки не хватает. Зато не приходится чувствовать себя должником перед этой семьей.

– Имми, даже я уже опаздываю в школу. А до твоей добираться еще дольше, – заговорил я, чуть ли не за шкирку выволакивая увлекшуюся охотой на Шредера подругу. Да-да... одним из пунктов нашего договора с Рандоном стало требование моей учебы в школе. Возражать? С чего бы? Если бы у меня была такая возможность, я бы еще до встречи с Иммой поступил в учебное заведение. История, география... здесь все другое. Да и аттестат в жизни будет нелишним. Только пока я жил в Бокко, у меня даже свидетельства о рождении не было, да и с деньгами, которые могли решить такой вопрос, тоже было не густо. Так что никакая школа мне не грозила. Нет, был вариант сунуться в социальную службу, но окончился бы он приутомом, а о них у меня #очень неприятные воспоминания еще с той жизни.

И тут мне пришлось вынырнуть из своих размышлений.

– Повтори... – Замерев на месте, я притормозил и мелкую блонду, хотя какая она теперь мелкая? Уже полгода от нее парней метлой отгоняю, под хихиканье Итты. Я окинул подругу недоверчивым взглядом.

– Я теперь тоже учусь в Табане, – улыбнулась Имма и, заметив мое недоумение, пояснила: – Все Рона, начиная со средней школы, учатся только там.

– Все? – уточнил я. Хорошо начинается новый учебный год, ничего не скажешь. М#да, то-то Рандону так легко удалось договориться о моем поступлении в эту школу... Но а как же Итта? Что-то я ее там не видел, хотя к моменту моего там появления она должна была как раз учиться в одном из старших классов.

– Ну это же сестренка, – фыркнула мелкая. – Она у нас гений. И школу закончила на год раньше.

– Поня-атно.

Что я там говорил о долгах и должниках? Кажется, семья Рона кредитовала меня несколько больше, чем я рассчитывал. Впрочем, все в рамках договора, никакой благотворительности. Явной по крайней мере. Ну а скрытой... я тоже умею быть благодарным. Просто придется учесть, что долг семье Рона несколько больше, чем мне казалось.

Школа Табана – оригинальное учебное заведение. Начать с того, что упор в ней делается не на гуманитарные, точные или естественные науки, а на личные способности учеников. Нет, программа общего образования здесь выдерживается не хуже, чем в любой другой школе, но уклон... уклон идет на обучение учеников обращению с имеющимися у них силами. Очень разными силами на самом деле, хотя определяются наклонности по основным стихиям. Пламя, Ветер, Твердь и Вода. Ну и боевые искусства, правда, последние преподаются только факультативно и с разрешения наставников, у которых занимается конкретный ученик. Учитывая, что в городе огромное количество всяческих школ боевых искусств, ничего удивительного в таком положении дел нет. Хотя, как я сейчас понимаю, у большинства учащихся эти самые наставники проживают не в собственных школах, а в домах своих учеников, как мастер Химм в доме Рона.

Мне в этом плане пришлось как бы не проще всех. Никаких склонностей к стихиям при поступлении в школу у меня обнаружено не было, и на всяческие тренировки, турниры и состязания меня не зазывают. А чтобы не злить одноклассников, завидующих моему куда менее напряжному, чем у них, расписанию, я выбрал для себя самый спокойный факультатив – печати и ритуалы. Благо для работы в этом направлении никаких стихийных талантов не требуется. Достаточно наличия силы воли, как называется здесь некий аналог «ци» или «ки», реально существующий аналог, хотя в «прошлой» жизни я в эти вещи не особенно-то верил. Но отрицать наличие здесь подобной силы, когда чувствуешь ее всем телом, было бы верхом глупости. Да и не хотелось мне ограничиваться лишь ее приложением к своим физическим возможностям. Ну а поскольку всяческие фаерболы и прочие «водяные плети», как оказалось, мне не светят, вариант с ритуалами и печатями показался достойной альтернативой. Собственно, печати – это те же ритуалы, только составленные заранее... и здесь эта хрень реально работает. От чего меня до сих пор иногда клинит. Особенно когда я начинаю задумываться, каким именно образом воля одного человека может менять реальность вокруг него. К счастью, подобный клин догоняет меня довольно редко.

– Кот, а ты покажешь мне школу? – замерев у входа на территорию Табаны, вдруг тихо спросила Имми.

– Хм... на большой перемене. А что не успеем, покажу после окончания занятий, – кивнул я и, почувствовав робость, накатившую от этой «ядерной ракетки», ухватив ее за руку, повел к месту сбора младших классов. А мелкая даже не попыталась вырвать ладошку из моей лапы, как она это проделывала весь последний год. Ну да, как же, она ведь уже взрослая, скоро пятнадцать исполнится... через восемь месяцев, ага... ее нельзя за ручку водить, сты-ыдно. А тут нет – идет, держится, и ничего, даже успокаиваться начала.

– Ха! Кот, никак ты себе девчонку нашел? А что такую мелкую, повзрослее не было? – Голос Реллана, вынырнувшего из толпы учеников, заставил меня поморщиться, а Имми чуть насупилась, но руки не отпустила.

– Гро³ Ламас. Конь, – представил я Реллана ненавистным ему прозвищем, и блонда понятиво кивнула. Имма очень не любит намеков на свой рост, хотя для ее возраста он вполне нормален, но доказать ей это нереально.

– Приятно познакомиться, гро Конь. Я – Имма Рона, – с самым серьезным выражением лица проговорила мелкая, заставив Реллана заскрежетать зубами.

³ Гро, гри – обращение к детям (к мальчикам и девочкам соответственно). Ллониллай – обращение к взрослым.

О, попал парень, или я не знаю Имми. Уж кто-кто, а она умеет находить больные мозоли окружающих, и не дай бог ее разозлить, она на этих мозолях такую джигу станцует.

– Кот, а почему гро Конь так зубами скрежещет? – спросила Имма. Ну сама невинность, куда деваться.

– Не знаю. Может, у него глисты? – пожал я плечами.

– Тогда его нужно показать специалисту... ветеринару.

Есть попадание. Реллан, бешено сверкнув глазами, попытался что-то сказать, но раздавшееся за его спиной ржание заставило придурка шарахнуться в сторону. О да, даже одноклассники недолюбливают этого... скота. И есть за что, честное слово.

– Имми, пожалуйста, дай мне слово, что постарайся держаться подальше от Ламаса и его компании, – попросил я, когда мы миновали кучку смеющихся учеников, наблюдавших за нашей с Релланом пикировкой.

– Котик, я уже большая девочка, – улыбнулась блонда, а интонации, ну да, тормозить вовремя Имми пока еще не научилась. И именно это меня и беспокоит.

– Имма, я серьезно. Сам по себе Конь, тьфу, Ламас – мелочь. Но в его компании есть ребята, отмороженности которых могут позавидовать даже ройны Бокко. – Длинная фраза, но как бы лениво мне ни было ее произносить, предупредить девочку надо. В конце концов, оберегать блонду в школе – это одна из тех вещей, которые могут немного уравновесить мои отношения с ее семьей. Да и беспокоюсь я за нее.

– Я буду внимательна... Котик. – Вот ведь язва, а?

Оставив улыбающуюся Имму на попечение будущего ее классного руководителя, я облегченно вздохнул и отправился на поиски своих одноклассников, в компании которых был обязан пережить нудную линейку по поводу начала нового учебного года. Главное – не заснуть в строю, а очень хочется. Вчера у меня был довольно напряженный день, плавно перетекший в не менее напряженную ночь, так что в сон меня сейчас клонит просто зверски. И даже мечты о том, на что я смогу потратить свой честно заработанный гонорар, не помогают справиться с сонливостью.

Но я выдержал. Наверное, на той самой силе воли. И, отстояв добрых сорок минут в одном ряду с тихо переговаривающимися одноклассниками, поплелся следом за ними на первый урок. К счастью, пустой. Классный час.

Моя парта... последний ряд, «камчатка», спа-ать.

– Кот, просыпайся! – Ну вот, только задремал, опять тормозят, мало мне Имми. Имми?

– Мало того что я утром тебя добудиться не могла, ты еще и здесь дрыхнешь! – воскликнул мой будильник, заставив открыть глаза. Честное слово, я проснулся от наступившей тишины. Настороженной такой...

– Мелкая, язык твой – враг твой... и мой, – констатировал я, обведя взглядом замерший класс, и, фыркнув при виде ошарашенной пониманием только что ею сказанного блонды, потянулся. – Вот и доказывай им теперь, что ты не моя девушка.

– Может, сам им скажешь? – тихо спросила она, поняв всю глубину попадалова.

– Не-а.

– Почему?

– Во-первых, лень. А во-вторых, они все равно не поверят, – сказал я, вновь укладывая голову на парту.

– Ко-от! Я тебя убью, извращенец!

Оп. А это уже наша староста – бюстительница порядка, полиция нравов в юбке. Хм, по-моему, пора линять. Подмигнув, я улыбнулся сверлящей меня взглядом Имми и кивнул в сторону несущейся к нам старосты.

– Увидимся на большой перемене у столовой. Надеюсь, ты найдешь что ей втереть, ага? – и, пока подруга соображала, нырнул в открытое окно. Второй этаж, какая ерунда... по сравнению с нашей старостой, хм.

А после школы меня ждал очередной заказ...

Шум за спиной, и я с коротким шипением отпрыгиваю в сторону. Вовремя! Мимо пролетает массивная мраморная статуэтка и, с грохотом врезавшись в стену, обрушивает на пол стеллаж с каким-то барахлом. Чертов барабашка! Полтергейст недоделанный, дай только добраться до твоего вместилища!

Еще один бросок – и добрый десяток разнокалиберных кухонных ножей вонзается в деревянный пол там, где только что находилось мое тело. Взмах ладонью с растопыренными словно когти пальцами взрезает воздух, и сила вспышкой рвет пространство. Есть! Дотянулся! Завывающий рев раненой твари песней звучит в моих ушах, а сам пакостный дух смутной тенью мечется под потолком, демонстрируя светящиеся рваные полосы на своем призрачном теле. Следующий удар силы вспышкой уносится к нему и, оставив еще четыре «подарочка», заставляет упрямый дух визжать, словно пилорама... куда там толстухе Отте! Улыбка от уха до уха... только расслабляться нельзя. Это наглядно демонстрирует валяющийся сломанной куклой на пороге помощничек, выделенный мне Барахольщиком в команду. Надо бы взглянуть, что с ним, но на это тоже нет времени. Обернувшись, прыгаю вперед и, чутьем зверя обнаружив сосуд-хранилище моего противника, одним ударом напитанной силой ладони сбрасываю его с пьестала. Тупой дух! В сейф такие вещи прятать надо. В сейф!

Старинная фарфоровая ваза с изображением какого-то странного зверька падает на пол и разлетается на тысячу осколков под очередным ударом силы воли. Да просто уронив на пол, даже такое хрупкое на вид вместилище духа не уничтожить. От осколков вздымаются тонкие струйки черного, почти невидимого в полумраке комнаты дыма, тварь под потолком переходит на ультразвук и... исчезает. Вот и все. Теперь действительно все.

Нос судорожно дергается словно в попытке унюхать следующую добычу, хотя это только рефлекс. Присутствие духов я ощущаю совсем не обонянием. Расслабленно вздыхаю и, потянувшись, встаю на ноги. Хо-ро-шо. Работа закончена. Осталось разобраться с помощником. Что-то он слишком тих.

Оказавшись рядом с навязанным компаньоном, качаю головой. Остекленевший взгляд, дыхания нет – труп, к гадалке не ходи. Ну что ж – я с самого начала был против этой идеи. Хотя-а...

Присмотревшись к телу, облегченно смеюсь. Ну конечно, твари совсем не нужны были мертвецы, для нее это непозволительная роскошь! Всего лишь глубокий стазис... и готова «консерва», из которой так удобно сосать силы.

Сила воли, собравшись в груди в упругий шар, уже готова выплеснуться на напарника, чтобы стряхнуть с него оцепенение, наложенное свихнувшимся духом, но в последний момент я ее удерживаю. Стоп. Открытый перелом... рука... нога, наверняка пара сломанных ребер при ударе о высокий порог. Разбудить его сейчас, и как потом тащить верещащее от боли тело? На фиг, на фиг...

Выудив из кармана горе-напарника мобильник, не глядя набираю номер Холла.

– Это я. Работу сделали, можешь трясти заказчика на вторую половину гонорара. И пришли сюда коновала, а то твой протезе немного поломался.

– Десять минут подожди, машина вышла, – с легким вздохом отвечает Барахольщик, в очередной раз порадовав немногословием и понятливостью. В этом мы с ним похожи. Зачем много слов, если можно обойтись без них. – Сильно поломался-то?

М#да, нет в жизни идеала. А ведь это, как говорил Атос, еще из лучших...

- Я не врач. Но вродедохнуть не собирается. В стазисе.
- Понял. Сам как?
- Пара царапин. А так в норме. Кстати, хранилище духа оказалось лет на сто старше...
- Десять процентов сверху. Устроит?
- И машину до дома. Устал.
- Док подбросит, я сообщу. Все?
- Все.

Ну да, в принципе правильно. Пациент в стазисе, ему полчаса туда-сюда погоды не сделают. Так что можно и на такси сэкономить.

Док действительно уложился в обещанные десять минут, хотя ничего необычного в этом нет. С пунктуальностью у этого темноволосого детины все в полном порядке. А вот с юмором... хм, ну тоже неплохо, если собеседники понимающие, поскольку шуточки у почти штатного эскулапа вся Ройнорры – моего старого района, имеют ярко выраженный темный оттенок. Настолько темный, что я не удивлюсь, если прописанная в его дипломе специальность читается как «патологоанатом».

– Так и знал, что без тебя здесь не обошлось... – мельком взглянув на вытасченное мною на крыльцо одеревеневшее тело клиента, буркнул Док, демонстративно закатывая рукава черного похоронного костюма. – Опять мне мясо притащил... да еще и мороженое. И где ты его берешь в таких количествах?

– Все претензии к Барахольщику, – пожал я плечами, устраиваясь на переднем сиденье катафалка, заменяющего доктору карету «скорой помощи». Говорю же, у него очень черное чувство юмора. А катафалку, видите ли, дорогу уступают куда охотнее, чем реанимобилям... Психолог, чтоб его.

– Да понятно.

Док загрохотал каталкой и, бросив на меня недовольный взгляд, принялся в одиночку водружать на нее окоченевшее тело моего незадачливого напарника.

Помогать? И не подумаю. В Доке под два метра роста, а во мне едва ли метр семьдесят наберется. Большой? Сильный? Вот пусть и таскает тяжести, а я отдохну... вымотала меня эта тварь полночная.

– Что, наш уважаемый антиквар все никак не угомонится, да? – прогудел Док, аккуратно выводя тяжелый катафалк со двора. – Какой это по счету напарник?

– Угу. Четвертый, – зевнув, кивнул я и, устроившись поудобнее в слишком широком для меня кресле, наконец окончательно расслабился. То бишь уснул.

И проснулся, только когда Док растолкал меня, подъехав к самому дому. Пробормотав «спасибо», я кое-как выбрался из нагретого кресла и поплелся досматривать сны в собственной постели.

Заперев входную дверь, кое-как поднялся на второй этаж и, оставляя на полу предметы одежды, добрался до кровати. Такой мягкой, удобной. Мр-р... Какое счастье, что завтра выходной. Никакой учебы, никаких дел, никаких побудок и блондинистых «ядерных ракет» над душой. Спа-ать...

– Ко-от! Вставай! Уже десять утра, Итта ждет в машине, мы едем в парк! Ко-от! Ты обещал! ПОДНИМАЙСЯ!!!

Нет в жизни счастья.

Имма, конечно, слукавила, но совсем чуть-чуть! Кот и в самом деле после случая со старостой в первый учебный день пообещал подруге составить компанию в прогулке по парку как-нибудь. Вроде извинился так, хотя по-другому он, кажется, вообще не умеет. Точнее, не любит. Кот вообще неразговорчивый, что порой так не нравилось Имме, зато слушать умеет лучше многих! Вот и извиняться за так называемые «косяки» друг предпочитает

действием, а не набором слов, чем она и воспользовалась. Подружки умрут от зависти, когда увидят их в парке прогуливающимися под руку! Вот бы еще и Итта куда-нибудь делась. Имма вздохнула. К сожалению, это очень и очень маловероятно. После памятной прогулки по городу, когда Кот привел ее домой, родители всерьез обеспокоились безопасностью младшей дочери, и почти четыре года прошло, а они все никак не угомонятся. Как будто Имма по-прежнему наивная десятилетняя девочка, честное слово! Она уже взрослая и, встретиться ей сейчас те мальчишки, нашла бы чем их приложить! Зря, что ли, наставник Химм так ее хвалит! Да и сестра все чаще выкладывается на полную во время их спаррингов. Кстати, надо бы поторопить Кота, а то сестричка как предложила сегодня утром эту прогулку, так может и испортить ее, если ей что-то не по нраву придется. А больше всего Итти не любит ждать.

– Ко-от! – Имма вновь принялась тормошить сладко потягивающегося в постели друга. Тот приоткрыл один глаз и, сверкнув желтой радужкой, тяжело вздохнул.

– Может, хоть сегодня ты дашь мне спокойно одеться? – осведомился он чуть хриплым после сна голосом. Вот ведь! Он еще и издевается! Имми насупилась и, резко развернувшись, вышла из комнаты.

– Если через минуту ты не будешь в ванной, я вылью на тебя ведро воды... холодной, – предупредила она друга. Тот вроде бы проникся.

Закрыв дверь, Имма улыбнулась и пустилась на поиски своего любимца. Когда Кот впервые ночевал у них дома, в сад забрался совершенно умильный черный котенок. Собственно, Имма проснулась той ночью именно потому, что ее разбудили полные азарта крики охраны и родителей, гонящихся за этим гостем по всей территории. Не догнали. Зато когда Кот согласился остаться у них и мама выделила ему для проживания садовый домик, вместе с новым другом Иммы там поселился и Шредер, как прозвал его Кот. Правда, когда Имма попыталась переселить котенка в большой дом, тот моментально сбежал, а Кот в ответ на укоры подруги только фыркнул и заявил, что котенок не его и вообще живет рядом только потому, что сам этого желает. И заставлять свободного зверя куда-то переселяться он, Кот, не намерен. Имма тогда злилась несколько дней, но в конце концов уверилась, что котенок действительно на диво самостоятелен и приходит и уходит, сообразуясь только с собственными желаниями. Причем так получилось, что в большой дом он тоже стал захаживать, особенно когда Кот исчезал по своим странным делам на несколько дней подряд. Наверное, скучал по другу, как и Имма, вот и приходил в гости скоротать время.

Девушка вздохнула и огляделась по сторонам, одновременно прислушиваясь к своей силе, но нет, Шредера поблизости не оказалось. Ну и ладно! Не может же быть все хорошо сразу, правильно?

– Я готов.

Пока Имма предавалась своим размышлениям, Кот, оказывается, успел умыться и одеться в неизменные вытертые джинсы и белоснежную майку, которые он предпочитал в любое время любой другой одежде, кроме школы и работы, понятное дело. Имма опустила взгляд и, увидев босые ноги друга, вздохнула. Да, ничто не меняется. С другой стороны, кто из ее подруг может похвастаться таким парнем?! Сильный, добрый, надежный и плюющий на условности. Ха! Это будет чудесный день!

Имма довольно улыбнулась и, подхватив Кота под руку, потащила его к выходу из дома.

– Не убегут от тебя твои подруги, Им, – притормозил ее парень, ну, почти ее парень, когда они оказались на крыльце. – Подожди, мне надо дом закрыть.

Девушка хотела было возмущенно фыркнуть, но сдержалась. А вот щеки моментально ее выдали, загоревшись алым пламенем. Ну Ко-от! Неужели так трудно было промолчать?!

Глава 4

Халтурка на дом

Первую подработку у барахольщика Холла я получил почти случайно, еще в «сонные времена». Мне было десять, когда я оказался в его лавке. Зашел отогреться после целого дня беготни по стылому зимнему городу. Нет, здесь не бывает зимы в привычном мне понимании – город-то южный. Но приморский, а это значит – резкий ветер и холодные дожди. Продрог я тогда основательно, так что с легкостью наплевал на то, что хозяин магазинчика может надрать уши и выставить меня вон. А Холл, очевидно, просто не ожидал такой наглости от мелкого босяка и, убедившись, что я прочно застрял у застекленной витрины и не подбираюсь к более доступным товарам, занялся своими делами, не забывая поглядывать в мою сторону, само собой.

– Я бы на вашем месте не стал брать его голыми руками, – заметил я, когда Холл, раздербанив сверток с последними поступлениями, протянул руку к скромному ножу в грубых ножнах. Барахольщик недоуменно воззрился на меня. Кажется, он куда меньше удивился бы, если бы с ним заговорил этот самый нож. – Злая вещь, навредить может.

Уж это я мог утверждать наверняка. Невидимые обычным людям, черные, словно дымные, завитки скользили вдоль ножа, и от них явственно несло злобой и жаждой... крови. С чего я вообще решил приоткрыть свои умения перед этим хитрым стариком? А у него на полках было полно всякого хлама, содержащего в себе следы духов. И цены на них заметно отличались от цен на обычные товары. Значит, что-то этот дядька понимает. Ну а я искал приложения для своих умений. В общем, встреча вышла обоюдно выгодной. Для начала под скептическим взглядом старика я описал, что именно за нож оказался у него в коллекции. Нет-нет, никаких жертвоприношений и прочей мути. Духам оно ни к чему, а вот то, что клинок долгое время провел в останках одного из тех самых духов, повлияло на него весьма сильно. Нож тянет силы и жизнь. Откуда я это знаю? Увидел. Это было просто заметно по тому, как заволновались и потянулись к рукам Холла те самые дымчатые нити, что обволакивали оружие, когда барахольщик захотел коснуться ножа. Ну а что необходимо для получения такого эффекта, мне объяснять не надо. Потусторонним, опять же недоступным обычным людям, запахом гнили, сопутствующим смерти духов, от ножа тянуло очень явственно, плюс общехреновое состояние оружия и место, где оно «всплыло»... догадаться было легко. Валялся этот ножик где-нибудь на месте упокоения одного из духов, долго валялся. А потом пришли любопытные люди и нашли напитавшуюся чернотой вещицу. Но то ли среди них не оказалось настоящих знатоков, то ли находка была случайной, но в результате ножик сплавил барахольщику вместе с остальным не имеющим ценности хламом.

Старик недоверчиво, но все же выслушал меня, подумал и, заперев нож в какую-то невзрачную шкатулку, предложил чаю. Я говорил, что здесь все пьют чай? Повторю, ни один мало-мальски серьезный разговор в Тако-Прибрежном не начинается, пока на столе не окажется этот напиток, правда, тогда я этого толком не понимал и решил, что это просто вежливость. Ха! Барахольщик и вежливость – вещи несовместимые! Что Холл мне и доказал в следующие пятнадцать минут. Да не рассчитал немного. Он-то видел перед собой десятилетнего сопляка, а я... кхм... в общем, мило пообщались и даже контактами обменялись. Правда, в моем случае Барахольщику пришлось довольствоваться примерной территорией моего более или менее постоянного обитания.

Ему хватило. Уже через неделю меня нашел какой-то малец, передавший записку от Холла с пожеланием встречи. И было мне счастье. Уж не знаю, кому старик показывал тот нож, но очевидно, что наши с неизвестным экспертом мнения совпали. Так что,

ворча и скрипя артритными суставами, Холл выложил передо мной небольшую кучку потрепанных купюр – гонорар за консультацию, а потом запер лавку и, исчезнув на несколько минут где-то в глубине помещения, вернулся с уже знакомой мне шкатулкой в руках, затянутых в странные морщинистые перчатки веселенького сиреневого цвета. Деревянная крышка откинулась с легким щелчком, и меня чуть не зашатало от поднявшегося над коробкой темного марева...

Так и началась наша работа со старым скуперджем-антикваром. Сначала оценка сбываемого барахла, а после одной истории стали появляться и другие заказы, более агрессивные, скажем так. Но и денежек они стали приносить куда больше. Например, последний заказ, пришедшийся на ночь перед нашей недавней прогулкой с Иммой и Иттой по парку, обогатил меня на две тысячи местных тугриков... в смысле, тугров. Именно так зовется основная валюта Тако-Прибрежного и Империи Майского архипелага. А это очень неплохая сумма, которой, например, хватит, чтобы оплатить полгода аренды моего нынешнего жилья. Не миллионы, конечно, но на хлеб с маслом хватает... Но я и не шикую, тем более что мне совсем не хочется лишних вопросов от семьи Рона. Для них мои заказы сводятся примерно к тому же, чем я занимаюсь по заключенному между нами договору. То есть общение с домашними духами заказчиков, оценка артефактов и прочая ерунда в том же роде. Вообще-то именно так оно и есть, а редкие «острые» заказы только пополняют мой запас на черный день.

Я подкинул на ладони старенький потертый телефон, на который только что пришло уведомление о поступлении гонорара, и, довольно улыбнувшись, положил мобильник на место, в тайник под половицей. Славно-славно. Собственно, этот телефон – левый, и куплен он был лишь для приема тех самых «острых» заказов от Холла и информирования о состоянии счета. В быту же я пользуюсь совсем другим аппаратом.

Грохот, раздавшийся с первого этажа, заставил меня ссыпаться вниз по лестнице со всей скоростью, на которую я был способен. А это очень быстро.

Вид выбитой входной двери и распластавшегося на ней тела сначала бросил меня в боевой режим, а через секунду я остановился в недоумении.

– Броги, ничего не хочешь мне объяснить? – позвал я своего домашнего духа... ну, относительно домашнего. Все-таки он привязан не к самому жилищу, а к небольшой картине в моей спальне. Моей картине, потому и слушается дух именно меня, а не хозяев этого дома. Но поскольку других разумных потусторонних сущностей здесь нет, Броги чувствует себя вполне вольготно и по могуществу, ввиду своего немалого возраста, лишь немногим уступит настоящему домовому. Только раньше я как-то не замечал за ним тяги к издевательствам над моими гостями.

Духи редко способны на вербальное общение. Им проще обмениваться мыслеобразами, ну, в тех случаях, когда они вообще желают общаться. Вот и Броги не исключение. Именно поэтому на заданный мною вопрос он ответил целым потоком эмоций и образов, среди которых превалировали беспокойство, опаска и уверенность в том, что гость принес в дом нечто очень гадкое. Что именно, Броги сообщить не соизволил, но очевидно, что вещица действительно не из приятных и серьезно перепугала духа. Иначе бы он не рискнул оказать визитеру настолько радушный прием. Но при чем здесь дверь?!

Вздохнув, я выглянул на крыльцо и, убедившись, что поблизости нет излишне любопытных глаз, вернулся в дом, чтобы тут же приняться за обыск валяющегося в прихожей бесчувственного тела. Э, да это же мой недавний помощник, сосватанный Холлом! Надо сообщить старику радостную новость. Какую? Ну что его протеже выздоровел и теперь Барахольщику придется раскошелиться за лечение этого... хм... альтернативно одаренного типа. А он об этом еще не знает, факт. Иначе в последнюю нашу беседу я бы вдоволь наслу-

шался его кряхтения и мата по поводу оборзевшего доктора, дерущего с несчастного старика последние монеты.

Не успел. Пока оттащил придурка в гостиную, пока кое-как приладил дверь на место, чтобы хотя бы в глаза не бросался пустой проем, этот чудаक успел очнуться. И судя по тихому подвыванию, доносящемуся из комнаты, успел познакомиться с Броги. Впрочем, я бы на его месте тоже... хм, испугался. Обычно дух невидим для окружающих, а я его вижу как небольшой пушистый шар с большими черными глазами и носом-пуговкой. Эдакий идеальный пушистик, но вот сейчас Броги явно решил впечатлить единственного зрителя, так что перед гостем зависло нечто угрожающее, эдакое темное облако, окутанное скользящими по нему змеями молний. В гостиной запахло озоном.

– Ну? – сложив руки на груди, обратился я к визитеру.

Двадцатилетний парень, крепкий, как, впрочем, и большинство жителей Тако-Прибрежного, русоволосый и курносый, забился в угол дивана. Я уж было решил, что он собрался меня игнорировать, но подвывание прекратилось, и на меня уставились круглые от страха глаза. Кажется, Броги еще и эмоциями его придавил.

– У#убери это, пож-жалуйста, – тихо проговорил мой несостоявшийся напарник, с трудом прекратив выстукивать зубами «Турецкий марш». Эк его прихватило-то...

– Броги... – Облако чуть поколебалось, но послушно отлетело от гостя. Впрочем, менять форму или исчезать дух явно не собирался. Что ж, может, он и прав. В конце концов, игра в доброго и злого полицейского стара, как мир, что никак не сказывается на ее эффективности. – Вопрос. Как ты меня нашел?

– По коммуникатору, – облегченно вздохнув, ответил гость. Я вопросительно приподнял бровь, и парень осторожно извлек из нагрудного кармана модный гаджет. Такой и телефоном-то уже не назовешь... – Тут автоматически фиксируются мои маршруты. В том числе и тот, ночной. Я предположил, что доктор... – На этих словах гостя явно потряхнуло. Ну да, знакомство с нашим Доком захочешь – не забудешь. – ...что доктор сначала завез тебя, вас то есть, домой, а потом уже занялся мной, и не ошибся.

– Ясно. Зачем пришел?

М#да, как-то я не задумывался о такой возможности. Не то чтобы я так уж старался сохранять в тайне мое место жительства, но и связывать его с исполнением «острых» заказов мне не хотелось. Хм... Что ж, впредь буду умнее.

– У меня есть предложение... деловое, – облизав сухие губы, произнес нервничающий гость и потянулся к другому карману, чтобы в следующую секунду оказаться прижатым к дивану атаковавшим его духом. Интересно, что же он такое сюда притащил, что Броги так реагирует?

– Отпусти его. А ты... Йорм, да? Не дергайся. – Дух неохотно подался назад, а я подошел вплотную к гостю, имя которого наконец вспомнил, и аккуратно двумя пальцами достал из кармана так не понравившуюся моему духу вещицу. Шкатулка. Скорее даже коробочка. Маленькая, плоская, размером не больше колоды игральных карт, разве что потоньше. Интересно. Попробовав ощутить оказавшийся в руках предмет, я только недоуменно пожал плечами и покосился на все больше нервничающего Броги. Странно. Вроде бы абсолютно нейтральная вещь, разве что... Я принял и, уловив слабый, но явно потусторонний тонкий и довольно приятный аромат, неожиданно для себя чихнул. Что-то здесь все-таки есть. Но что? Хоть убей, не пойму. Все-таки, несмотря на почти шестилетний опыт работы с проклятыми и заклятыми предметами, на свете полным-полно вещей, мне пока неизвестных. Пока...

– И? – Я подкинул на ладони заинтересовавшую меня коробочку.

Йорм проводил ее настороженным взглядом, но, услышав вопрос, тут же пришел в себя.

– Это один из артефактов с северного острова. Там, в старых храмах, много интересных вещей, но и охрана соответствует. А у нас нет людей соответствующего профиля. Мы все-таки археологи, а не воины.

А он не такой уж дурак. Теперь понятно, зачем Йорм полез ко мне в напарники. Хотел увидеть работу охотника и оценить потенциал. Не воин, да. Но для этого и нужен не столько боец, сколько аналитик. Хм... Интересно.

На прямое предложение Йорма я не ответил ни согласием, ни отказом. Взял время на размышление. Не то чтобы мне так уж не нравилась идея пошарить в руинах северного острова, но лезть в это дело наобум я тоже не собирался. Сначала нужно собрать информацию, оценить риски. В общем, напоив уже переставшего трястись от страха гостя чаем, я сплавил его из дома, а сам отправился навестить Барахольщика. Ну а кто еще из моих знакомых может знать больше об истории этого самого острова и его сокровищ? Да и попенять старику на такое поверхностное отношение к клиентам тоже не помешает. А то в следующий раз с него станется принять заказ у налогового инспектора! И это будет совсем не смешно. Пусть по возрасту тюрьма мне не грозит, но штрафы здесь за уклонение от уплаты налогов просто драконовские. И эти люди еще называют наш город порто-франко!

Хотя честности ради стоит заметить, что нерезиденты действительно чувствуют себя здесь вполне вольготно. Десятина от сделки в казну города – и никаких других поборов. Удобно.

– Котяра, чего ты от меня хочешь? – проскрипел уважаемый антиквар, расставляя очередную партию каких-то безделушек на свободной полке магазинчика, все стены которого были заставлены и увешаны так, что за ними невозможно даже рассмотреть цвет покрывающей их краски. – Это постоянные клиенты. И если они вдруг пожелали поучаствовать в исполнении заказа – это их право!

– Хм, права есть не только у них, Холл, – устроившись на высоком стуле рядом с кассой, ответил я. Старик же только фыркнул, но коситься в сторону денежного ящика не перестал. О да, я прекрасно знаю, как он нервничает. Барахольщик просто терпеть не может, когда кто-то приближается к кассовому аппарату, даже если это делает его собственная дочь. Скрыга и жмот. – Предупредить меня ты мог?

– А зачем? – пожал плечами Холл. – Мальчик изъявил желание посмотреть на работу охотника и намекнул на возможное участие. С отцом Йорма я знаком уже лет тридцать, да и сам мальчишка рос у меня на глазах.

И полился словесный поток. В общем, ничего странного или неприятного, как оказалось. Просто два старых хрыча обрадовались, что глупый мальчишка взялся за ум и решил начать зарабатывать деньги «правильным» применением знаний, полученных им в университете. Учитывая, что Холл в своей жадности уже года два мечтает о расширении нашего скромного дела, итог был закономерен...

– Не кинут? – поинтересовался я, когда старик наконец выдохся и замолчал.

– Хм... а зачем? – в ответ пожал он плечами. – Говорю же, с Брридом мы знакомы уже тридцать лет и знаем друг о друге столько всего... В общем, учитывая, что еще не все из этих секретов протухли от времени, подводить друг друга нам смысла нет, уж поверь. – Я кивнул и приподнял одну бровь в немом вопросе. – Нет, мне тебя кидать тоже нет смысла. Где я найду другого охотника?

Да-да, толковые охотники – редкость, а уж готовые работать с тобой в доле... Я понял. Хотя, кажется, пару условий, при которых Барахольщик меня с легкостью сдаст, я вполне могу себе представить. Жаден старик, но с этим, я думаю, мне удастся справиться, если ему моча в голову ударит.

– Уже хорошо. А что с подельниками Йорма?

– Имеешь в виду, не способны ли они тебя кинуть? – Старик отложил в сторону один из товаров, упорно не желавший влезать на заставленную всяким хламом полку, и, погладив короткую седую бородку, широко улыбнулся. Во все десять с половиной зубов. – Они-то, может, и способны, хотя я не слишком верю в то, что эти научники решатся на такой шаг. Но если, именно если, им взбредет в голову подобная блажь, то обманут они не только тебя, но и Йорма. И это было бы сущей мелочью, но таким образом они кинут и меня с Брридом. А мы, хоть и старые и дряхлые, но просто так подобного унижения не спустим. Уж поверь.

Хм, а ведь подобной возможности старый антиквар-барахольщик со счетов не сбрасывает. Не верит в нее, считает почти невозможной, но учитывает. Что ж, и я учту. А теперь еще один немаловажный вопрос, и можно начинать ликвидировать безграмотность среди одного отдельно взятого меня.

– Йорм предложил мне равную долю. Твое участие?

– Ты бы знал, как меня выбешивает иногда твоя манера разговора. – Холл тяжело вздохнул и, почесав кончик крючковатого носа, развел руками. – Ладно. Твоя доля – это твоя доля. Я получу десятину от Йорма с Брридом. Хотя мог бы и двадцать процентов предложить, старый хорек! Эх...

– Не хочешь походить на фискала, а? – улыбнулся я, и старик ошеломленно заперхал. Надо сказать, хоть налоговиков особо никто не любит, но даже в среде единомышленников жители Тако-Прибрежного выделяются степенью своего неприятия этого племени. Недавно же все сотрудники фискального ведомства в этом городе – пришлые. Их назначает метрополия, и не из опасения, что местные тут же разведут кумовство, а просто потому, что даже последний босьяк из Бокко не пойдет работать в налоговое управление. В общем, я только что слегка проехался по ушлому старику. На грани фолла.

– Шуточки у тебя, Кот, – справившись с собой, недовольно проскрипел Барахольщик.

– Не хуже, чем у тебя, – пожал я плечами и, заметив недоуменный взгляд старика, со вздохом пояснил: – Мало того что не спросясь вовлек меня в эту историю, так еще и имеешь наглость намекать на увеличение доли. За дурака меня держишь?

– Никто тебя никуда не втягивал, не перегибай палку, – хмуро ответил Холл. – Да, Йорм хотел посмотреть на твою работу без прикрас, да, я не стал тебя предупреждать, зачем это ему нужно на самом деле. Но он честно предложил тебе контракт и извинился за вынужденный обман. Скажешь, нет?

– Не скажу. Йорм поступил правильно. Йорм, но не ты.

– Ладно-ладно. Я понял, о чем ты говоришь, – тут же сдал назад старик, прекращая изображать обиду на несправедливое обвинение. – Каюсь, прошу прощения и так далее. Доволен?

– Плюс пять процентов к моей доле в нашем с тобой договоре.

– Без ножа режешь, Кот. Один процент на год, – ощерился старик.

– Пять, до разрыва договора.

– Один... до разрыва.

– Сейчас станет шесть, – предупредил я.

– Три, жадный ты мальчишка! Три, и ни тугром больше! Или разрываем договор прямо здесь и сейчас! – Все. Жадность победила окончательно. Теперь Холла не сдвинуть. Ну и ладно. Семьдесят плюс три – уже неплохо. Еще пара косяков – и я додавлю его до семидесяти пяти.

– И информация о северном острове.

– Разумеется, – тут же успокоился вспыливший было Барахольщик и, повозившись со своим старым, изрядно потертым планшетом, скинул мне на почту немалый такой объем инфы. Ну вот, теперь приступаем ко второй части Марлезонского балета.

Итак, северный остров... Он же Храмовый, он же Остров Тысячи Духов. Последний оплот мистиков, уничтоженный почти пятьсот лет назад объединенным флотом и десантом Морских княжеств при поддержке пары материковых государств, рассчитывавших погреть ручки над чужим костерком и заграбастать под это дело всю северную часть нашего архипелага. Не вышло. Морские княжества как-то неожиданно быстро избрали своего императора, и потрепанный, но все еще грозный флот, ведомый боевыми адмиралами, устроил излишне жадным жителям материка показательный укорот. Пушки смели с побережья спорных островов хилые укрепления, а прошедшие огонь и воду десантники вырезали оставшихся в живых после обстрела солдат, еще недавно гонявших по своим владениям остатки мистиков. После чего адмиралы в один момент превратились в новых князей, а новорожденная Империя приросла территориями. Впрочем, это уже лирика. Важно другое. Северный остров до той войны был столицей одного из многих существовавших тогда государств, проповедовавших мистицизм. Точнее, ратовавших за отказ от технического прогресса подчас очень жестокими и кровавыми методами. Естественно, правили в таких государствах люди, имеющие таланты, схожие с моими. Те самые слушающие, в общем. И делиться своей властью с обычными людьми они, разумеется, совсем не желали. Так было и здесь. Торонга – так именовалось государство, раскинувшееся на островах в северной части Майского архипелага. Сам этот остров, клочок суши слишком мелок и неудобен, но это с точки зрения Империи, а вот для Торонги он когда-то стал почти идеальным местом для постройки столицы... и домом для тысяч родовитых слушающих. Понятно, что концентрация духов на квадратный метр здесь зашкаливала за все мыслимые пределы. А в подвалах правящей элиты скопились не только золото и драгоценности, но и заклятые и проклятые предметы. Артефакты. Только если верить имеющейся информации, справиться с разрывными ядрами, несущими в себе серебряную пыль, мистикам даже с помощью дикого количества духов не удалось. Точнее, первыми пострадали как раз духи, для которых заряженное магами стихий серебро оказалось страшнее любого яда... что интересно, поскольку раньше такого метода ликвидации духов я не встречал, хотя ввиду специфики работы должен был. Вообще впервые слышу об опасности серебра для этих созданий.

М#да. Ну а с живыми тогда справился десант, закончив начатое артиллерией. Потом корабельные стихийники подтвердили отсутствие любых эманаций разумной жизни на острове, и тот же десант в темпе вальса зачистил и очистил королевскую сокровищницу, потеряв при этом половину отправившихся на операцию людей. Посчитав потери и осознав, что полное разграбление города обернется для флота потерей всего войска, армада подняла паруса и ушла отбивать остальные острова Торонги у обнаглевших союзников. А вот часть духов, обитавших в домах и подвалах знати, пусть и малая по сравнению с прежним их количеством, уцелела. И до сих пор продолжает хозяйничать на острове, с переменным успехом отбиваясь от искателей сокровищ, к которым в последние сто лет примкнули и археологи – по сути те же искатели сокровищ, только с дипломами и грантами от Империи Майского архипелага.

Йорм взглянул на цифры, высветившиеся на экране телефона, и нахмурился. Номер оказался незнакомым, а сын Бррида, почерпнувший у отца немалую толику паранойи, не имел привычки разбрасываться своими контактами.

– Брридон, слушаю.

– Вечером, у меня дома. Поговорим об условиях контракта, – ленивый голос, короткие фразы... Этот наглый мелкий... охотник!

– Хорошо. Буду к семи. – Йорм попытался скопировать манеру речи собеседника, и, судя по раздавшемуся из динамика телефона фырканию, его старания оценили... не очень высоко.

– Захвати речной рыбки... свежей... к чаю. – И телефон выдал короткие гудки.
Кот и есть. Наглый.

Глава 5

Плюсы и минусы

Рандон пристально смотрел на сидящего в кресле у его рабочего стола шестнадцатилетнего мальчишку и, поймав себя на мысли-желании выпороть этого вундеркинда за вываленные новости, шумно вздохнул. Как-то незаметно любопытный ребенок стал частью семьи Рона, хотя изначально предполагалось лишь связать его с родом обоюдовыгодным договором. Но кто же знал, что этот странноватый мальчишка с очень оригинальными привычками, всегда чуть отстраненный и почти равнодушный на первый взгляд к окружающим его людям, умудрится так быстро и прочно занять место в сердцах обитателей дома? Сначала Имма с ходу назвала Кота своим другом и с первого же дня переселения мальчишки в Сейну большую часть свободного времени стала проводить рядом с ним, да еще и, не стесняясь, принялась отчаянно защищать привычки и причуды друга перед ехидной старшей сестрой. Потом сдался Химм, неожиданно полюбивший встречать закаты на веранде, причем исключительно в компании все того же Кота. Рандон не раз видел, как они молча наблюдают за меняющимися цветами неба, словно смотрят интереснейший фильм. А потом так же молча расходятся по своим делам. Следующей стала Ринна. Первые полгода старательно державшая дистанцию и лишь внимательно наблюдавшая со стороны за живущим в их садовом домике слушающим, она начала хмуриться, если вдруг не обнаруживала Кота за столом во время семейных завтраков. А потом и вовсе попыталась отговорить Кота от аренды жилья и не успокоилась до самого его переезда. А следом и сам Рандон принял Кота как еще одного члена семьи, причем одновременно со старшей дочерью. Впору похвастаться, что Итта, унаследовав внешность матери, характером пошла в отца, только тут речь шла об упрямстве... глупом упрямстве, а это совсем не та черта, которой Рандон мог бы гордиться.

Сейна – тихий и благопристойный район, но даже тут случаются инциденты. В основном связанные с окончанием весны или наступлением осени, когда дома жителей района наполняются гвалтом и смехом молодежи, приехавшей отпраздновать окончание учебы или собирающейся вернуться к ней, а значит, намеренной хорошо погулять, прежде чем разъехаться по студенческим кампусам и курсантским общежитиям. Ну а где веселится молодежь, эксцессы неизбежны. Вот и три года назад все началось с легкой студенческой вечеринки, куда была приглашена Итта.

Хороший дом, уважаемая семья, однако друзья старшего сына хозяина дома, приехавшие погостить перед началом учебы в Адмиралтейской школе, оказались не на высоте, в очередной раз показав, что аристократии метрополии доверять нельзя. Глупы и озабочены лишь удовлетворением своих животных инстинктов.

О том, что с Иттой происходит что-то нехорошее, Коту явно сообщили духи. И только что сидевший на ковре в гостиной и лениво следивший за телевизионными новостями мальчишка вдруг взвился в головокружительном прыжке и... исчез в саду. Вернулся он минут через десять, грязный, как чушка, в порванной одежде, украшенной брызгами крови, но при этом бережно прижимающий к себе мелко дрожащую Итту, в глазах которой плескался страх.

Дело едва не дошло до войны семей, когда выяснилось, что тринадцатилетний слушающий ворвался в чужой дом и чуть не отправил на тот свет трех гостей почтенного семейства Гоури. Но... пронесло. Слишком много уважаемых людей видело, в каком состоянии ознаненный подросток уводил старшую дочь Рандона из гостеприимного дома.

В ходе дознания вопрос о том, кто и как сумел устроить кровавую баню трем совершеннолетним стихийникам, остался за кадром. А вот утаить попытку изнасилования старшей дочери и наследницы Дома Рона не удалось... Пьяным, разодранным в лохмотья гостям

оказали первую медицинскую помощь, чтобы не подошли от кровопотери, а через три дня, когда опасения за их жизни миновали, по приговору Совета семей отрубили им кисти рук и, взрезав ноздри, отправили несостоявшихся насильников обратно в метрополию. В клетке. Голыми и с поясняющим транспарантом над клетью... по самому долгому маршруту, с заходом во все попутные порты и обязательной демонстрацией преступников местным властям... и всем желающим.

Понятное дело, в любой клинике метрополии утраченные конечности зарвавшихся молодчиков регенерируют за пару месяцев, были бы деньги... но кто вернет им их репутацию?

Именно тогда, увидев залитую кровью спальню, где гости дома Гоури пытались обесчестить его дочь, Рандон окончательно перестал смотреть на Кота как на постороннего человека. И жалел, что не смог оказаться здесь одновременно с мальчишкой, а лучше – вместо него.

Потом уже дом Гоури принес свои извинения, дочь, которую Кот, как оказалось, изъяснялся из той комнаты, прежде чем устроить побоище, довольно быстро пришла в себя, а император прислал Совету семей свое одобрение, что разом решило вопрос возможной войны Тако-Прибрежного с родами преступников.

А Рандон просто радовался пополнению в его семье. Да и Итта почти прекратила попытки подкалывать и без того индифферентного к ее шуточкам Кота. Ненадолго, конечно, но возвращение прежней ехидной Итти было самым лучшим подтверждением того, что события в доме Гоури не оставили слишком уж глубокого следа в ее психике.

Ринна беспокоилась и о состоянии Кота, но тот вел себя так, словно ничего не произошло, а на прямые вопросы только пожимал плечами и напрочь отказывался говорить, почему после столкновения с ним гости Гоури выглядели так, словно их когтями на ленточки распускали. Химму пришлось убить несколько вечеров, прежде чем старый эмпат смог убедить супругу Рандона, что Кот в полном порядке и просто не желает говорить о бое. Мол, было и прошло, и незачем зря сотрясать воздух. Единственная фраза, которой удалось добиться Ринне от Кота, была: «Я победил, они проиграли. Все».

Собственно, именно воспоминание о том, что юный слушающий вовсе не так беззащитен, как кажется, и заставило Рандона взять себя в руки, когда Кот, нагрянув в их дом с утра пораньше, заявил, что на каникулах едет на северный остров – «на практику», как он выразился.

– Может, расскажешь поподробнее? – со вздохом спросил Рандон.

Кот задумчиво кивнул.

– Археологическая экспедиция университета Тако. Один из участников заказывал мне осмотр заклятого зеркала. Вспомнил, пригласил для осмотра находок в загородной зоне столицы Торонги.

– И никаких попыток пролезть в храмы или городские подземелья? – хмыкнул Рандон, давно привыкший к своеобразной манере разговора юного слушающего.

– Мне о таком не говорили, – пожал тот плечами.

– А хотелось бы там побывать? – вкрадчиво осведомился глава семьи Рона.

– Опасно. Одно дело осмотр артефактов... другое – столкновение с сумасшедшими духами. – Кот прикрыл глаза и, потянувшись, неожиданно улыбнулся. – Домашние куда интереснее, но их там нет...

– Что нужно от меня? – успокаиваясь, поинтересовался Рандон. Конечно, гарантий, что Кот не вздумает сунуться в подземелья, нет, но если он сам этого не желает, заставить его будет очень сложно. К тому же юный слушающий – мальчишка самостоятельный и вполне может обойтись без опеки. Да и практика ему действительно необходима для дальнейшего развития.

– Уточнить график, – ответил Кот, вырывая собеседника из размышлений.

– Хм, если я не ошибаюсь, кроме поездки в загородное имение и осмотра тамошних артефактов мистиков никаких других планов у нас на каникулы не было. Жаль, конечно, девочки расстроятся. Они уже предвкушают загонную охоту на котов... с последующим утоплением в бассейне.

– Меня не будет первую неделю каникул. Потом могу приехать сразу в имение, – после недолгого молчания проговорил Кот.

Да, если девочки обидятся, жизни ему не дадут до самого отъезда. Рандон усмехнулся. Может быть, поначалу Кот и производит впечатление равнодушного человека, но и на него есть управа. Даже две. Одна рыжая, вторая блондинистая. И это замечательно!

– Договорились. Адрес я пришлю. Хм... Тебе, наверное, нужны деньги на экипировку.

– Нет. У меня все есть, – покачал головой Кот, по-прежнему не открывая глаз.

И Рандон только хмыкнул. Будь на месте этого мальчишки любой другой человек – и глава Дома Рона решил бы, что собеседник просто стесняется просить, но в случае с Котом он мог быть уверен, что тот лишь констатировал факт. И ведь не скажешь, что мальчик кристально честен. Нет, он вполне способен на хитрость и притворство, но с близкими людьми предпочитает вести себя честно и искренне, тем самым провоцируя самих близких на ответную откровенность. И ведь это срабатывает, даже со старым Химмом, вот что удивительно!

М#да, о девчонках я как-то не подумал. И если с Иттой все просто, достаточно будет пару раз прикрыть ее свидания с Оррином, то Имми – это проблема. Ее обиду мне будет очень сложно пережить без потерь. Особенно учитывая, что большую часть времени мы в школе, а значит, постоянно рядом. Надо что-то делать...

А вот и она, легка на помине. Рассмотрев приближающуюся к дому изящную фигурку, я спрыгнул с забора, сидя на котором наслаждался солнечными ваннами, и метнулся в дом, мельком порадовавшись, что инцидент с дверью прошел незамеченным, иначе Имма с меня не слезла бы до тех пор, пока не узнала всю историю от и до. Инквизитор в юбке.

Вот хлопнула многострадальная дверь, и до меня донеслось уже привычное приветствие подруги.

– Кс-кс-кс... Шредер, выходи! – Вот настырная. Бедный котяра уже не знает, где от нее спрятаться.

– Привет, Имми. – Я вышел в прихожую вместо кошки и кивнул в сторону кухни. – Пирожное будешь?

– О... привет, Кот. А Шредер опять не хочет выходить, представляешь? – отозвалась блонда, следуя за мной на кухню и оглядываясь по сторонам в поисках звереныша. Бесплезно, понятное дело.

– Если бы на меня вылили стакан сладкого липкого абрикосового сока, я бы тоже предпочел держаться подальше от агрессора, – заметил я, выставя на стол вынутую из холодильника тарелку с пирожными. Ткнул чайник, и шум закипающей воды скрыл сердито-обиженное сопение мелкой.

– Я же нечаянно! И даже извинилась перед ним! – проговорила она, теребя подол короткой юбки.

– Значит, он решил, что одних извинений недостаточно, и решил тебя наказать своим отсутствием, – пожал я плечами.

– И надолго? – А глаза такие печальные-печальные, так и хочется разрыдаться от сочувствия.

– Ну ты спросила, подруга. Откуда же я знаю? – Наполняя чашку гостыи ароматным чаем, я покачал головой.

– Жаль, – вздохнула Имма и, вежливо кивнув, приняла у меня из рук чашку.

Маленький плоток – и, отставив ее на стол, блонда смотрит на меня долгим изучающим взглядом.

– Что? – не понимаю.

– Ко-от, а папа шутил или ты и в самом деле куда-то уезжаешь на эти каникулы? – обманчиво мягким тоном спрашивает Имми.

Опс... Чертов Рандон! Так меня подставить, а! За что?!

До начала осенних каникул еще три недели, а я уже хочу повеситься. Ску-учно! Казалось бы, как можно заскучать, например, на уроках истории чужого мира... ну, теперь уже не совсем чужого, но все-таки? Или на уроках литературы, с ее абсолютно незнакомыми мне произведениями и авторами? Или на географии, где один вид здешнего глобуса вполне способен взорвать мой мозг?

Авторитетно заявляю: можно! Достаточно было привыкнуть к необычным математическим знакам на уроках алгебры и формулам в физике, как проблема с этими предметами была решена. История? Хм, не надо путать уроки истории с историей-наукой. Учебники все-таки составляются с расчетом на детей, а не академиков. Литература? Чтение до сих пор является одним из моих любимейших занятий, а опыт помощи детям и внукам в написании домашних сочинений с моим переселением в другой мир никуда не делся. География... Да, здесь мне действительно приходится напрягать память, чтобы запомнить хотя бы самые известные названия, начиная с шести материков и восьми океанов и заканчивая названиями столиц и стран. Но сегодня этого предмета в расписании нет, а алгебра и химия вызывают лишь скуку! Хотя таблицы пределов энергетического насыщения химических элементов... хм, даже они не заняли меня больше чем на половину урока. Да и не люблю я этот предмет. За годы воспитания своих детей и внуков он достал меня до печенок. Хуже только анатомия... и за это отношение надо сказать «спасибо» не только моему старшему сыну, избравшему когда-то стезю врача, но и его матери, закончившей карьеру в звании полковника медицинской службы.

– Мм... извините, а Кот здесь? – Ухо непроизвольно дернулось, уловив вопрос, заданный какой-то младшекласницей, неизвестно каким ветром занесенной в наш кабинет на этой перемене. И, естественно, мои дружные однокашники дружно меня сдали. Ну и кому я еще понадобился?

Я оторвал голову от парты, на которой пытался задремать, и, приоткрыв один глаз, попытался рассмотреть визитера. Точнее, визитеров. В классе даже тише стало, когда перед моей партией выстроились три младшекласницы и принялись сверлить меня недовольными взглядами. Кажется, я их уже где-то видел.

Заметив, что я на них смотрю, стоящая в центре композиции девочка мельком глянула на своих сопровождающих, словно желая увериться, что те ее не бросили, и, глубоко вздохнув, сделала шаг вперед.

– Господин Кот, мы пришли, чтобы заявить от имени нашего класса: не смейте обижать Имму Рону!

– Э? – Честное слово, у меня дар речи пропал. Что-что я не должен делать?! Это блонда такие слухи обо мне распускает? От удивления накатывавшая на меня сонливость пропала, будто ее и не было.

– Ко-от! – А вот и наша вездесущая староста нарисовалась. Жаловался на скуку? Получай. Правильно сказал один мудрый мертвец: «Бойтесь своих желаний!»

Я перевел взгляд с суровых защитниц Имми на приближающийся тайфун и, выпрямившись на стуле, кивнул этим парламентарам в ответ на их ультиматум.

– Хорошо. Не буду.

А что еще я мог сказать? Объяснять, что это блонда вторую неделю ведет себя словно избалованная принцесса и рычит даже на отца с матерью? Так бесполезно, не поверят.

Да и старосте проще пообещать исправиться, чем доказать, что я не верблюд. Она вообще не верит в возможное благоразумие людей противоположного пола. Исключение делается, по-моему, только для учителей и... Впрочем, это уже не моя тайна.

– Тогда мы пойдем? – как-то неуверенно проговорила гостя и, покосившись на остановившуюся рядом грозную, но очаровательную старосту, в момент исчезла из виду, не забыв прихватить и подруг. А я приготовился к очередному выносу мозга.

– Грримон! – Вон как, дело плохо. Юста в ярости, раз обращается по фамилии, точнее, по отчеству. Фамилии здесь имеются только у аристократии, а нам, голытьбе, такое счастье не светит. И, разумеется, отчество у меня липовое. Нужно же было вписать что-то в документы – вот Рандон и пошутил, сделав мое уличное прозвище именем, а в качестве отчества присвоив мне имечко последнего слушающего семьи Рона. Но я не в претензии. А вот у старосты они, кажется, имеются.

– Кот, – поправил я штатную валькирию нашего класса.

– Что? – Юста сбилась с дыхания от неожиданности.

– Обращение «Грримон» лучше оставить учителям. В твоих устах оно нарушает гармонию дружеской атмосферы, царящей в нашем классе, – пояснил я. На что только не приходится идти, чтобы дать время остыть нашей ответственной старосте.

– Пф... – Юста смерила меня долгим взглядом, но взяла себя в руки и, явственно шевеля губами, принялась считать. На «десяти» она глубоко вздохнула и заговорила уже куда более ровным тоном: – Хорошо... Кот. Объясни мне, будь любезен, почему эти младшеклассницы пришли к тебе с такими претензиями? Ты действительно обидел Имму Рону?

– Нет.

– «Нет, не обидел» или «нет, не объясню»? – Староста прищурилась и сложила руки под грудью, неплохой, кстати говоря, весьма неплохой гру... кхм, что-то меня не туда понесло.

– Первое, – кивнул я.

– Тогда объясни.

– Я отказался ехать с ней за город на каникулы, – честно ответил я, перебивая старосту и старательно скрывая так и лезущую на лицо улыбку. Вот так, это блонде за «обидевшего» ее Кота! Юста поперхнулась.

Еще бы! В здешнем обществе совместная поездка юноши и девушки за город даже на один день, без ночевки – уже повод, чтобы считать их парой. И это несмотря на то, что официальный «возраст согласия» в Тако-Прибрежном – пятнадцать лет, а о браках своих отпрысков аристократы порой договариваются, когда дети ничего, кроме «агу», сказать не могут. У обычных людей, конечно, подобное редкость, но и в Бокко никого не удивляют ранние помолвки, хотя браки все же стараются заключать после наступления полного совершеннолетия. В общем, идиотизм. С одной стороны, в той же Табана разговоры между обеспеченными учениками и ученицами об уже выбранных родителями женихах-невестах или о скором выборе таковых – вполне обыденная вещь, а с другой, информация о том, кто с кем в кафе-кино-парк пошел, вызывает дикий ажиотаж окружающих и смущение застуканных на месте преступления.

Да, это было подло. Но за две недели, миновавшие с того дня, как я сообщил Рандону о предстоящей мне на каникулах поездке на северный остров, Имми действительно меня допекла своей демонстративной обидой и злыми подколками, далеко выходящими за рамки обычных дружеских подначек. И ладно бы одного меня! А родня-то здесь при чем? Рандон ходит мрачнее тучи, всегда жизнерадостная Ринна перестала улыбаться и петь по утрам, накрывая стол к традиционным семейным завтракам, слуги и вовсе ее избегают. Одну Итту как-то миновало это бедствие, да Химм только в бороду ухмыляется при виде озлобленной блонды. Кошмар, да и только.

Я полюбовался на застывшую в полном ошеломлении Юсту... Хм, представляю, какие слухи пойдут гулять по школе уже на следующей перемене. Нет, наша староста вовсе не сплетница, но мы же в классе не одни, и разговор наш слышали все присутствующие, а значит, мне лучше исчезнуть до того, как эти слухи дойдут до Иммы. Блонда в ярости – это красиво, конечно, но уж очень разрушительно. К тому же, раз уж я не выдержал и все-таки ввязался в это глупое противостояние, придется довести его до логического конца и поставить мелкой мозги на место. А кому еще, если семье оказалось не под силу справиться с ее закидонами? И начать желательно побыстрее. Иначе есть риск не успеть решить проблему до отъезда, и тогда вторая половина каникул, которую я обещал провести с семьей Рона, грозит превратиться из отдыха в каторгу.

Приняв это решение, точнее, убедив себя в необходимости начинать немедленно действовать, я порылся в своей сумке и, выудив из нее нужную тетрадь, сунул ее в руки все еще пребывающей в ступоре старосты.

– Юста, будь добра, передай мою домашнюю работу учителю, когда он придет.

– Что? Но как... – Пока староста недоуменно разглядывала тетрадку, явно не расслышав моих слов, я успел открыть окно и, послав ей воздушный поцелуй, спрыгнул на мягко спружинивший под ногами газон школьного двора.

– КО-ОТ!!!

Нехорошее предчувствие зашевелилось в тот момент, когда Имма окоротила очередного доставучего одноклассника... и почти тут же увидела, как староста класса, переглянувшись с подругами, подхватила их под руки и решительно направилась к выходу из кабинета. Ощущение было настолько сильным, что Имма готова была сорваться следом за покинувшими класс девчонками и даже сделала несколько шагов, но на ее пути возникло непреодолимое препятствие – классный руководитель. Ллон Мидон, высокий подтянутый мужчина с легкими залысинами, слишком старый, чтобы стать предметом воздыхания учениц, но достаточно молодой, чтобы заинтересовать учительниц...

– Гри Рона, задержитесь на минуту. – Глубокий голос с легкостью перекрыл царящий на перемене гвалт, тут же обратив внимание учеников на хмурую Имму. Девушка было дернулась, но... грубить старшим непозволительно!

– Слушаю вас, ллон Мидон, – нацепив маску внимательного слушателя, проговорила Имма, поворачиваясь лицом к поднявшемуся из-за стола учителю.

– Не здесь, – с улыбкой указав на притихших учеников, сообщил Мидон. – В учительской.

Имма кивнула и, пропустив учителя вперед, последовала за ним. А ллон Мидон, уверенно шагая по коридору, выудил из кармана пиджака телефон и, быстро отбив какое-то сообщение, остановился перед дверью в столь нелюбимый учениками кабинет. Девушка непроизвольно нахмурилась. Нет, в последнее время она, конечно, была довольно резка с окружающими, но разве это повод, чтобы ее поведение стало предметом разбора на учительском совете?!

Впрочем, опасения оказались пустыми, как и кабинет. Классный руководитель указал Имме на удобное кресло в углу просторной комнаты, а сам присел на стоящий рядом диван. И замолчал.

– О! Вы уже здесь! Я думала, успею первой, – ворвавшись в кабинет прямо фонтанирующая радостью ллай Верна уселась рядом с ллоном Мидоном и улыбнулась. Школьный психолог – это куда хуже, чем учительский совет. Потому как приходит сама и в самое неудачное время.

Змея. Заговорила, чаем напоила, бдительность усыпила, и Имма сама не заметила, как начала отвечать на ее вопросы, пока речь не зашла о Коте, и в та-аком контексте!

– Вы с ума сошли? – в ярости прошипела Имма, поняв, на что намекает психолог. – Кот никогда и пальцем меня не тронет! Он мой друг!

– Имма, я понимаю, что тебе, может быть, сложно об этом го...

Больше Верна ничего сказать не успела. Ллон Мидон одним рывком снес ее на пол, и диван на котором они только что сидели, жалобно скрипнув, осыпался трухой.

Часть вторая Наглый

Глава 1 Редкости и ценности

Переговоры с Химмом по поводу «укрощения строптивой» прервал звонок из школы. Выслушав короткую речь классного руководителя Иммы, наставник тяжело вздохнул и, пообещав прибыть через четверть часа, положил трубку.

Я выжидающе взглянул на уставившегося куда-то в стену Химма и дождался. Наставник покачал головой и поднялся с кресла.

– Знаешь, Кот, закрадываются подозрения, что преподаватели и персонал школы Табана теряют профессионализм, – задумчиво проговорил Химм.

– Хм?

– Ладно, с этим потом. Съездишь со мной забрать оттуда Имму? – спросил наставник, шагая к выходу.

– Конечно, – следуя за Химмом, ответил я, но не удержался от вопроса: – А что случилось?

– Неудачный разговор школьного психолога с Иммой. Пострадавших нет... если не считать истерики у обеих участниц конфликта и ушиба спины классного руководителя Мидона.

– Лезть в спор женщин – верный способ стать потерпевшим, – кивнул я под сдавленный смешок наставника Химма. Впрочем, он тут же стер улыбку с лица.

– Хорошо, что семья в разъезде. А то бы уже подняли шум до небес, – констатировал он, садясь в машину.

– Кстати, а действительно – где все?

– Рандон в порту, у него там какая-то сделка намечается, а Ринна с Иттой в своей галерее, готовят документы для открытия выставки современного искусства. – Заметив, как меня перекосило при этих словах, Химм усмехнулся. Да, мне не по душе так называемое «современное искусство». И там его не любил, и здесь не перевариваю. Потому что убожество.

– И чем же бедные художники тебе так не угодили? – поинтересовался Химм, выезжая за ворота.

– Подменой искусства испражнением фантазии, – фыркнул я в ответ.

– А если поподробнее?

– Лень. – Ну в самом деле, о чем здесь говорить? Доказывать свою правоту я не намерен, мое мнение – это только мое мнение. А спор ради спора мне просто неинтересен. Тем более что его финал и так известен. Меня в очередной раз обзовут мелким ретроградом и потащат в культпоход, по крайней мере Ринна поступила бы именно так. О! Точно! Ну-ка, я прав или нет? – Что, Ринна задумала притащить меня на открытие этой их выставки?

– Хм, ну да... догадливый. Рандон уезжает по делам в метрополию, а без мужского сопровождения в нижний храмовый комплекс женщин не пустят, даже если они организаторы проводимого там мероприятия.

– А ты?

– А я, во-первых, уже туда наездился, а во-вторых, в эти выходные отправляюсь в загородное имение готовить его к осеннему отдыху семьи, – пожал плечами Химм.

– Сбегаешь, – констатировал я, на что тот неопределенно вздохнул.

Ну точно. Наставник тоже не горит желанием потратить день на хождение между всяческими инсталляциями. М#да, а ведь мне, получается, деваться некуда. Суббота-суббота. У меня есть планы на этот день? Вроде бы нет. Ну что ж...

– Приехали, Кот, – выдернул меня из размышлений Химм, останавливая машину на стоянке у школы.

– Будешь должен, – вздохнул я, открывая дверь.

И наставник семьи Рона довольно кивнул в ответ. Счастливы-ый.

Разбирательства в происшедшем инциденте с участием блонды, ее классного «папы» и школьного психолога много времени не заняли. Химм, как представитель члена опекунского совета школы, устроил большой бэмс поверившей в школьные сплетни психологу, поблагодарил ллона Мидона за быструю реакцию и, извинившись чеком перед директором за уничтоженную собственность школы, вытащил сердитую, изредка вздрагивающую после рева, но уже умытую Имму из медкабинета, попутно обаяв присматривавшую за ней медсестру. Правда, быстро уйти у него не получилось, а потому, передав мне на попечение блонду, Химм задержался в медкабинете, заполняя какие-то бумаги и бланки... старый ловелас. Ну а я, подхватив на руки тихо пискнувшую, ослабевшую после стихийного всплеска Имму, понес ее к машине. Надо ли говорить, что звонок, оповещающий об окончании урока, раздался аккурат в тот момент, когда мы с блондой были на полпути к выходу из школы?

М#да. Сначала слухи о том, что я силой взял Имму Рону, потом сплетни о моем отказе составить ей компанию в поездке за город. Интересно, что теперь будут говорить о нас в Табане?

– Кот, я тебя убью, – тихо прошептала Имма, пряча покрасневшее личико у меня на груди, чтобы не встречаться взглядами с попадающимися нам навстречу школьниками. Весьма ошарашенными школьниками. Хм, я что, это вслух сказал?

– У тебя будет возможность попытаться... на каникулах, – пожал я плечами и, кивнув изумленной Юсте, замершей у входа в наш класс, прибавил ходу. Остался только один этаж и главный вестибюль...

Примирение вышло спонтанным и не обошлось без недоговорок. Иными словами, Имма молча меня «простила», а я... ну да, так же молча согласился с такой постановкой вопроса. Ну лень мне ее «лечить». Ле-энь. Обошлось – и ладно.

А потом приехали Ринна с Иттой и начался цирк. Химм-то не успел им сообщить, что я уже согласился провести первый выходной на организуемой ими выставке.

Впрочем, увидев, какой стол они накрывают нам для обеда, я решил тоже помолчать, по крайней мере пока. В конце концов, не каждый день удастся полакомиться свежей радужной форелью. Дорогая она, зараза, но вкусная-а!

Переглянувшись с хитро ухмыляющимся Химмом и насладившись замечательной рыбкой, я постарался побыстрее раскланяться и, не успели ллай Рона, из женской хитрости решившие отложить изложение своей просьбы до окончания обеда, приступить к уговорам, слинял. Ну мало ли, а вдруг завтра на обед тоже будет форелька?

Ну а когда я уже миновал ворота района Сейна, на телефон пришла фотография... Женщины Рона красивы по определению, но обескураженные лица придают им какую-то особую пикантность. Отбив сообщение с благодарностью для Химма, приславшего этот шедевр, я улыбнулся и прибавил ходу, чтобы через минуту остановиться и ответить на звонок Барохольщика.

Заказ – это хорошо. Пусть даже не «острый», а уж если он оборачивается знакомством с духом предмета – и вовсе замечательно. А именно так дело и обстояло. Собственно, именно в надежде на встречу с предметом-вместилищем многие антиквары и работают с артефактами. Да только определить, является ли попавший в руки коллекционера или торговца

предмет вместилищем духа, порой весьма и весьма сложно. Куда проще отличить артефакт от проклятого предмета.

– День добрый, уважаемый Холл, – просочившись в лавку Барахольщика, я тут же нацепил привычную маску. Все как договаривались.

– А#а, явился, шалопай. – Отвлекаясь от копания в корзинке с возможными приобретениями, Холл поднял на меня взгляд и изобразил сурового работодателя. – Где тебя носит, оглоед? Надоело получать у меня жалованье? Почему я еще должен тратить деньги на звонки тебе, когда ты должен сидеть в лавке?

– Извините, уважаемый Холл, я обедал, – повесив нос, вздохнул я.

– Вот, полюбуйтесь, ллон Тейтон, на современную молодежь! – заворчал Барахольщик, обращаясь к единственному зрителю нашего спектакля. – Учишь их, делишься опытом, а у них только жратва да девки на уме!

– Ну мы тоже когда-то были молодыми, ллон Квиддон, – примирительно пробурчал толстый посетитель и, усмехнувшись, договорил: – И тоже когда-то больше интересовались девочками, чем произведениями искусства, а?

– Но даже тогда мы почитали старших и старательно перенимали их знания и опыт.

– Не буду спорить. Но воспоминания о тех временах давай оставим для беседы за чаем, а сейчас... – кивнул толстяк, возвращая разговор в деловое русло, и подвинул корзинку с принесенными предметами Барахольщику. Тот хмыкнул, но вновь занялся осмотром предложенного товара. Через минуту Холл небрежно отодвинул от себя корзинку.

– Хлам.

– Квиддон! – укоряюще покачал головой толстяк. – Даже мне понятно, что там как минимум четыре артефакта и один проклятый предмет, который легко может оказаться вместилищем...

– Пф... Проверим? – Холл ткнул в меня пальцем. – Мальчишка, иди сюда.

А вот теперь начинается настоящее шоу. Я подошел к стойке и выжидающе взглянул на Барахольщика.

– Рассортируй.

Быстро кивнув, подчиняюсь приказу и начинаю споро выкладывать плоские и брелки на столешницу. Рука на миг замирает над главным предметом спора – завернутой в тонкую черную ткань нефритовой статуэткой. Хм, кажется, кому-то сегодня повезло. Легкая волна силы, совершенно незаметная со стороны, касается статуетки – и тут же приходит осторожный, но полный любопытства ответный посыл. Игра? Игра!

Заметив краем глаза останавливающий жест Холла, направленный на толстяка, аккуратно разматываю ткань и, отправив посыл-просьбу, решительно берусь голой рукой за нефрит. Вспышка!

Изображая потерю ориентации, пытаюсь подняться с пола под довольное бормотание Холла и вновь падаю.

– Что я тебе говорил, Тейтон? Хлам. Артефакты еще туда-сюда, а вот это... обычный проклятый предмет.

– И не жалко тебе паренька, старый? – со вздохом, в котором явно слышится согласие, бормочет толстяк.

– Да ничего с ним не будет. Ты думаешь, чего я с ним вожусь? У него вся сила воли заточена на защиту от проклятий. Детский перекосяк... что ты хочешь! – с хихиканьем отвечает Барахольщик, отрабатывая мою легенду.

– М#да, повезло тебе. – Меня ни один из них не стесняется, но это и не удивительно: я же вроде как в отключке. – Ладно, сколько дашь за все?

– Триста тугров, Тейтон. И ни одним таоро больше.

Толстяк вздыхает, но, кивнув, соглашается. Ха, а что еще ему остается?

Жду, пока зазвенит колокольчик и хлопнет дверь, и, повременив еще пару минут, поднимаюсь с пола. Холл улыбается, но лишь до тех пор, пока я не покачал головой.

— Жаль, я надеялся. Очистишь?

— Конечно, — я киваю и, аккуратно замотав статуэтку обратно в ткань, кладу ее в карман. Иногда мне кажется, что столь редкие встречи коллекционеров с вместилищами обусловлены в первую очередь тем, что слушающие, только и способные наверняка отличить проклятый предмет от обиталища духа, тоже очень любят подобные вещи. Ха.

Можно, конечно, подумать, что я, такой негодяй, кинул своего коллегу и компаньона. Да, кинул. Однако есть одно «но». Судя по тому, что я ощутил в этой нефритовой статуэтке, внутри нее заточен отнюдь не домашний хранитель или дух-охранник, за которыми в основном и гоняются коллекционеры и торговцы, готовые платить о#очень большие деньги за бес-телесных воинов, противопоставить которым хоть что-то могут лишь сильные стихийники или слушающие. Нет, в статуэтке обитает совсем другая сущность, для большинства абсолютно бесполезная, но от этого не менее живая.

Погладив нефритовую фигурку и перекинувшись с Холлом парой слов, я пообещал ему вернуть функционал проклятого предмета и, хлопнув дверью, отправился домой. Но по пути... покинув Бокко, я заглянул на Базар и, прошвырнувшись по нескольким лавкам, обзавелся всем необходимым для переселения столь удачно попавшегося мне духа.

Можно было бы, конечно, найти что-то подобное и в Бокко, но у обитающих там торговцев имеется своя сеть, и мне не хотелось бы вызывать даже малейшие подозрения у Холла. Пусть, как и большинство людей, он даже не подозревает о том, что слушающие способны переселять духов из одного предмета в другой, но земля, как говорится, слухами полнится, так что... В общем, лучше перебдеть.

Добравшись до дома, я познакомил Броги с новым обитателем, пусть и временным, и, убедившись, что духи нашли общий язык, взялся за нож и заготовку. Естественно, эти неугомонные существа тут же оставили свою игру и принялись виться над моей головой, серьезно отвлекая меня от работы своими эмоциональными посылами.

Поняв, что спокойно заниматься делом мне не дадут, я вздохнул и, отложив в сторону инструменты и деревяшку, переключился на общение с духами. Как оказалось, эти двое уже успели поспорить о форме предполагаемого жилища новичка. И хотя оба сошлись на звериной форме, они никак не могли сойтись на деталях. Броги, как всегда воинственный и прагматичный, настаивал на больших когтях... Нет, не так: на о#очень больших когтях и чешуйчатой броне. И надо признать, в идее боевитого хранителя был свой резон. Учитывая, что при желании самого духа форма его вместилища может играть немалую роль для его собственной визуализации и даже некоторых свойств, когти и броня вполне могли бы стать серьезным плюсом к боевым качествам новичка. Но тут Броги ждал облом. Сам-то он действительно вполне боевой дух-хранитель. Этакий страж дома. А вот мое новое приобретение совсем не предназначено для ведения боевых действий и совершенно не желает обзаводиться оружием и защитой.

Понаблюдав за разошедшимися духами, в раже спора дошедшими чуть ли не до физического воплощения, я покачал головой, а заметив забавную, но явно давнюю привычку новичка нервно помахивать псевдоконечностями, словно хвостиками, улыбнулся. А собственно, почему бы и нет? В той жизни один из коллег-учеников привез мне из дальней командировки забавный сувенир — фигурку мифического существа. Они чем-то с новеньким похожи... при должном воображении, конечно.

Вмешавшись в спор духов, я толкнул обоим картинку-образ... Броги задумался, pokrутился вокруг пришедшего в восторг новичка и, тихонько что-то булькнув, согласно кивнул, для чего не поленился принять образ изображенного на его вместилище латника. Ну и замечательно. Угмонив духов, я вновь взялся за заготовку, и от деревяшки полетела стружка.

Не думал не гадал, что когда-нибудь опять займусь резьбой по дереву, а вот оно как обернулось. Вообще, наверное, придется мне вспоминать свои навыки из той жизни, да и инструментом обзавестись не помешает... Все же не одни люди предпочитают красивые дома, духам тоже по нраву, когда их вместилище радует глаз.

Работу я закончил только поздно ночью. Поначалу пришлось работать очень аккуратно, чтобы не испортить заготовку неосторожным движением ножа. Но уже через час руки обрели привычную уверенность, словно и не прошло тех десятков лет, когда я своими руками делал игрушки для моего первенца и его друзей. Тогда, после войны, подобные вещи являлись вообще большой редкостью. Не до игр было...

Аккуратно прорезав последний завиток, я окинул фигурку придирчивым взглядом. Вот и все. Осталось обработать наждачкой, и дом для новичка будет готов. Но не успел я взяться за первую, грубую обработку статуэтки, как дух, обдав меня своим восхищением, нырнул в фигурку. А вот то, что произошло дальше, вогнало меня в шок!

Статуэтка *встрепенулась*, словно встряхнулся выбравшийся из воды зверек. Только вместо капель воды во все стороны полетели опилки и мелкая деревянная пыль. Как живой... По сравнению с тем, как фигурка выглядела сейчас, моя работа была просто грубым и примитивным эскизом. Честное слово!

Я поставил статуэтку на стол и хотел было аккуратно ее повернуть, чтобы осмотреть со всех сторон, но не успел. Фигурка сама вдруг обернулась вокруг оси... точнее, вырезанный мною и оживший, окрасившись в золотистый цвет, лисенок закрутился на круглом основании и, задорно блеснув черными бусинками глаз, улегся, укрыв себя хвостами с белоснежными, словно их в белила макнули, кончиками, так что видно было только их да черный кончик носа. М#да, кажется, где-то в чем-то я ошибся... С другой стороны...

– Эй, Лис! Вылезай, покажи нам с Броги, как ты теперь выглядишь...

Я ткнул пальцем в свернувшегося калачиком зверька. Тот приоткрыл один глаз, демонстративно зевнул и уселся на основании, обернув затянутые в черные носочки лапы всеми девятью хвостами. Позер.

Скользнувшая в сторону от замершей статуэтки тень увеличилась и превратилась фактически в полную копию деревянной фигурки. Лисенок подпрыгнул в воздухе, сделал совершенно сумасшедшее сальто и громко тьякнул. Да... я точно перестарался.

– Ты доволен? – вздохнул я.

В ответ этот неугомонный обдал меня ощущением радости, лизнул (!) в щеку и, еще раз тьякнув в сторону скрывшегося в картине Броги, вернулся обратно в статуэтку.

– Что ты на меня так смотришь? – поинтересовался я у высунувшегося латника, на что тот покачал головой и исчез.

Завидует, что ли? Ладно, разберемся. Но не сегодня... устал. Убрав мусор, я взглянул на часы и, тихо выругавшись, отправился спать. Три часа ночи, а утром школа, чтоб ей ни дна ни покрышки.

Имма закончила очередную тренировку и, утерев пот подхваченным со скамьи полотенцем, устало потянувшись, отправилась в душ. Да, после сегодняшнего взрыва в школе ей еще пару дней нежелательно давать волю своей силе... воли. Но это совсем не значит, что можно забыть и об обычных тренировках, как сообщил ей наставник, кивнув в сторону спортзала.

Одевшись после душа в чистое, Имма задумчиво покрутилась перед зеркалом и, стрельнув глазами по сторонам, словно проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за ней, попыталась приподнять растущую грудь.

– Да, до Итты мне еще далеко, как и до этой... Юсты.

Пробормотав последнее имя, девушка скривилась. Уж она-то сразу поняла, почему староста класса, в котором учится Кот, так к нему придирается. А уж когда она упирается кулаками в его парту и нависает над Грримоном, и последний дурак поймет, что именно она пытается ему продемонстрировать. Одно хорошо, еще полгода-год – и Имме самой будет что... чем похвастаться. Все-таки пример сестры весьма показателен, а мама как-то говорила, что в этом плане Итта пошла в нее. Да только за это время кто-то может ее и обогнать... в смысле, увести у Иммы Кота. Да та же Юста! Зря она, что ли, постоянно трясет своими «подушками» перед ее другом?!

Взгляд девушки скользнул по отражению в зеркале, после чего она поднялась на цыпочки и, покрутившись так и эдак, решительно кивнула. На лице Иммы появилась довольная улыбка. Все-таки у нее и сейчас есть что противопоставить двойным чарам соперницы. Насколько она помнит, Юста с самого начала учебного года ни разу не появлялась в школе в юбке. А Имме Роне скрывать красоту и стройность ножек ни к чему. Решено! Завтра она идет в школу в платье! В очень коротком платье. Пока погода позволяет. И посмотрим, кто кого!

Только... Имма замерла на месте, а через секунду дом семьи Рона потряс девичий крик.

– Ма-ам! Мне надо в магазин! – промчавшись через весь этаж, Имма ворвалась в малую гостиную. Ринна Рона отложила в сторону книгу, которую до этого увлеченно читала, и, окинув младшую дочь долгим изучающим взглядом, невозмутимо кивнула.

– Ну... если тебе *настолько* нечего надеть, спорить не буду...

Имма глянула на свое отражение в большом зеркале над комодом и капитально покраснела, поняв, что неслась через полдома в одном нижнем белье... В доме же полно слуг-мужчин! Сты-быдно!

– Сестричка собралась за покупками? – В приоткрывшуюся дверь сунулся любопытный носик старшей сестры, а из коридора раздался голос отца. Весьма испуганный голос, надо заметить.

– Без меня! Можете вынести хоть весь торговый центр, но без *меня*!

– Спасибо за разрешение, милый, – тут же пропела в ответ Ринна, поднимаясь с кресла, и указала младшей дочери на другую дверь, ведущую к малой лестнице. Имма моментально исчезла из виду, совсем не горя желанием предстать перед отцом в таком виде. Все-таки ей уже не пять лет...

Мать проводила младшую дочку насмешливой улыбкой и шагнула навстречу входящему в комнату мужу. Покосившись на скользнувшую к окну Итту, Рандон вздохнул и, нежно обняв жену, коротко поцеловал ее в губы.

– Можно подумать, я никогда в жизни ничего *такого* не видела, – тихо, вроде бы как себе под нос, пробормотала старшая дочь, но Ринна сделала вид, что ничего не слышала. Хотя судя по взгляду, который мать бросила на Итту, это совершенно не помешает ей запомнить то, чего она якобы не слышала.

– И не делала, да, Итти? – ехидно ухмыльнулся Рандон.

Мужчина... Ринна незаметно покачала головой. Но чуть смутить свою самостоятельную и взрослую старшую дочь ему все-таки удалось, заключила мать, глянув на Итту. Тем временем Рандон разомкнул объятия, шагнул к дивану и, с ходу рухнув на него, обратился к обоим присутствующим ллай:

– Итак, дорогие мои... Я правильно понимаю, что вы собираетесь ехать за покупками?

– Да, Имме не мешает чуть обновить гардероб, – кивнула Ринна и, смерив старшую дочь долгим взглядом, словно что-то решая про себя, махнула рукой и уселась на колени мужа. Чему тот был явно только рад.

– Понятно. А я было подумал, что вы решили обзавестись платьями к открытию выставки, – проговорил Рандон и поинтересовался: – Кстати, вы уже поговорили с Котом по поводу сопровождения в нижний храм?

Мать и дочь обменялись нечитаемыми взглядами.

– Мы решили перенести этот разговор на завтра. А насчет платьев к выставке... это хорошая идея, – медленно проговорила Ринна и, улыбнувшись, протянула мужу руку. Рандон вздохнул, выудил из бумажника кредитку и положил ее на ладошку жены.

Впрочем, грусть его была картинной. Глава семьи Рона любил делать маленькие подарки хорошего настроения своим «девочкам». И если им нравится ходить по магазинам, то почему бы не доставить такую радость?

Глава 2

Мнимый цугцванг?

Иногда, довольно редко, к слову, я все-таки сожалею о своем нынешнем возрасте. Потому что вместе с обостренными чувствами юность принесла и определенные проблемы в виде зашкаливающей эмоциональности, со взрывами которой мой разум не всегда успешно справляется, и... гиперсексуальности. Все прелести пубертата на выбор и скопом... Хорошо еще, что в Тако-Прибрежном хватает борделей почти на любой кошелек, так что сгладить проблему мне удалось довольно быстро. Но именно что сгладить, а не решить. Да и прозвище-имя влияет на меня несколько больше, чем казалось раньше, и одним мартом дело не ограничивается.

К чему я все это говорю? Жалуюсь на жизнь... и одну мелкую блонду, заявившуюся этим утром ко мне домой в умопомрачительно коротком платье. Мало мне Юсты и девчонок из Бокко – теперь еще и лучшая подруга открыла сезон охоты на бедного несчастного Кота.

– Что ты на меня так смотришь? – засекла мой печальный взгляд Имма и крутанулась вокруг своей оси, отчего и без того воздушное платье взвилось, открывая впечатляющий вид на стройные ноги и... хм... прилегающие области. – Нравлюсь?

– Ты не можешь не нравиться, – вздохнул я. Но, заметив шальной блеск в глазах подавшейся мне навстречу блонды, спохватился: – Так. Стоять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.